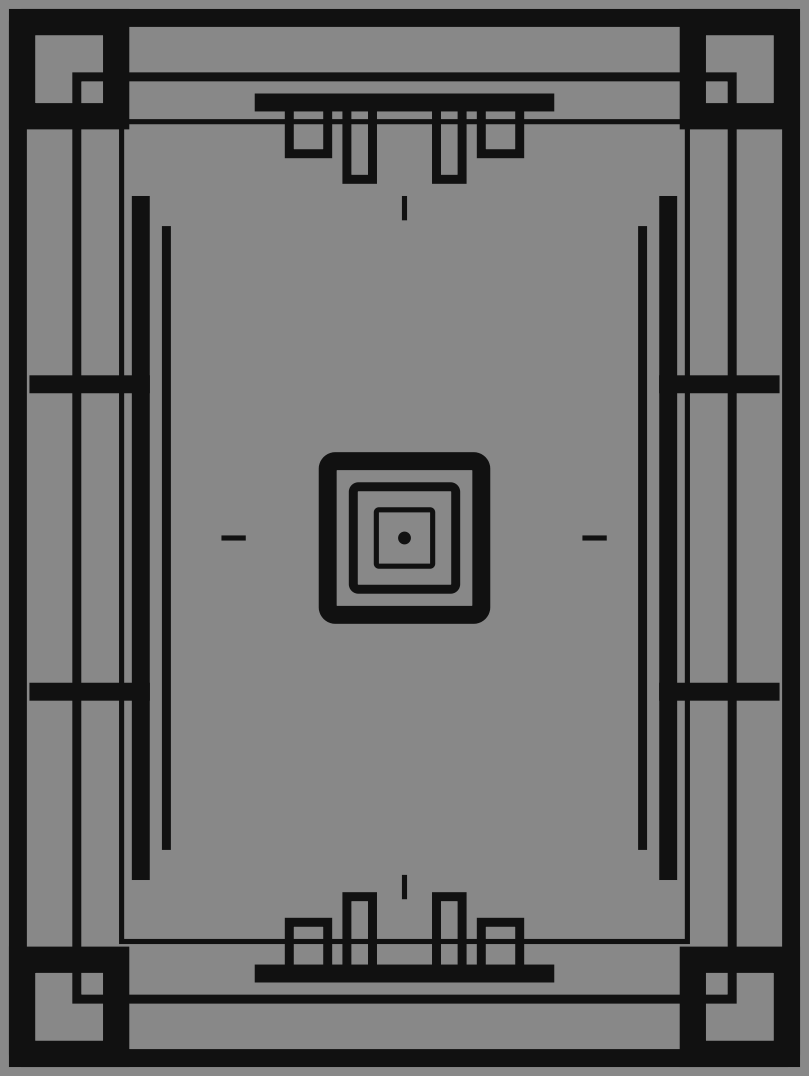

Мегрэ
Жорж Сименон

Аннотация
Жорж Сименон. «Мегрэ»
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Аннотация

Племянник бывшего комиссара Мегрэ, вышедшего в отставку, по его протекции устраивается в полицию инспектором, но скоро совершает большую оплошность: в его присутствии убит человек, а он навлекает на себя подозрения в убийстве. Не имея никаких полномочий, Мегрэ хочет помочь племяннику выпутаться из беды и сам начинает расследование.

Жорж Сименон
«Мегрэ»

Глава 1

Прежде чем открыть глаза, Мегрэ нахмурил брови, словно сомневаясь, правильно ли он опознал голос, который вырвал его из глубин сна, прокричав:

— Дядя!

Не поднимая век, он вздохнул, ощупал простыню и убедился, что все это ему не приснилось: его рука не нашла теплого тела г-жи Мегрэ там, где ей полагалось бы находиться.

Наконец он открыл глаза. Ночь была светлая. Г-жа Мегрэ стояла у окна в мелкий переплет, отгибая рукой занавеску, а внизу кто-то тряс входную дверь, и шум разносился по всему дому.

— Дядя! Это я.

Г-жа Мегрэ по-прежнему смотрела наружу, и ее накрученные на бигуди волосы образовывали странный ореол вокруг головы.

— Это Филипп, — объявила она, угадав, что Мегрэ проснулся.

Мегрэ в войлочных туфлях на босу ногу спустился первым. Он наспех натянул брюки и уже на лестнице влез в пиджак. На восьмой сту-

пеньке, из-за низко расположенной потолочной балки, ему надлежало пригнуть голову. Обычно он проделывал это машинально, но сейчас обо всем забыл, стукнулся лбом, охнул, выругался и шагнул из ледяной лестничной клетки в кухню, еще сохранявшую остатки тепла.

Дверь была забрана железными прутьями. На улице Филипп кого-то уговаривал:

— Я ненадолго. Будем в Париже еще затемно.

Г-жа Мегрэ одевалась. Слышно было, как она расхаживает по второму этажу. Мегрэ, все еще злясь на себя за последствия собственной неосторожности, отодвинул засов.

— А, это ты! — буркнул он, увидев на пороге племянника.

Над голыми тополями плыла огромная луна, заливая небо такими яркими лучами, что на фоне его отчетливо вырисовывались даже мельчайшие веточки, а Луара за излучиной казалась потоком серебристых блесток.

«Ветер восточный», — машинально отметил про себя Мегрэ, как сделал бы на его месте любой житель этого края, увидев постепенно серевшую поверхность реки.

Это привычка, которую приобретаешь, поселившись в сельской местности, равно как и

привычку молча стоять в дверном проеме, глядя на незваного гостя и ожидая, пока он заговорит.

— Я хоть тетю-то не разбудил?

Лицо у Филиппа застыло от холода. Позади него, на белой от инея равнине, виднелся силуэт такси.

— Почему не пригласишь водителя в дом?

— Мне надо немедленно поговорить с вами.

— Живо входите оба, — выглянула из кухни г-жа Мегрэ, разжигавшая керосиновую лампу. И, адресуясь к племяннику, добавила: — Электричества еще нет. Проводку в доме сделали, а вот ток пока не подключили.

В самом деле, с потолка на шнуре свисала лампочка.

Бывают такие детали, которые беспричинно привлекают к себе внимание. А когда нервничаешь, они к тому же и раздражают. Во время последовавшего разговора Филипп, без сомнения, часто поглядывал на эту лампочку и плохо натянутый шнур, которые были здесь совершенно ни к чему, разве что подчеркивали старомодность этого сельского жилья и ненадежность современного комфорта.

— Ты из Парижа?

Еще полусонный, Мегрэ прислонился спиной к

камельку. Вопрос был так же нелеп, как и электрическая лампочка без тока: на дороге стояло такси. Однако бывают минуты, когда говоришь просто для того, чтобы что-то сказать.

— Я все вам объясню, дядя. Мое положение ужасно. Если вы не поможете и не отправитесь со мной в Париж, я не знаю, чем все это для меня кончится. Просто голова кругом идет… Ох, я ведь даже не поцеловал тетю!

Филипп трижды прикоснулся губами к щекам г-жи Мегрэ, накинувшей халат поверх ночной сорочки. Он исполнил этот ритуал совершенно по-детски. Затем тут же плюхнулся за стол и обхватил голову руками.

Поглядывая на молодого человека, Мегрэ набивал трубку, а его жена заталкивала сушняк в камелек. В воздухе было разлито что-то тревожное, гнетущее. С тех пор как Мегрэ вышел в отставку, он утратил былое умение просыпаться среди ночи, и происходящее невольно напомнило ему времена долгих бдений у постели больного или ложа покойника.

— Не могу понять, как я мог оказаться таким дураком! — неожиданно всхлипнул Филипп.

Волнение его разом выхлестнулось наружу. Он плакал без слез, озираясь по сторонам и словно

ища, на чем бы сорвать нервное напряжение. Зато Мегрэ, по контрасту с беспомощными метаниями племянника, невозмутимо подкручивал фитиль керосиновой лампы и посматривал на первые заплясавшие в камельке огоньки.

— Для начала чего-нибудь выпей.

Из стенного шкафа, где лежали остатки еды и пахло холодным мясом, бывший комиссар извлек бутылку виноградной водки и две стопки. Г-жа Мегрэ надела сабо и вышла в сарай за дровами.

— Твое здоровье! Главное, постарайся успокоиться.

Запах разгоревшегося сушняка смешивался с водочными ароматами. Филипп тупо уставился на тетку, беззвучно вынырнувшую из темноты с охапкой поленьев.

Он был близорук, и под определенным углом глаза его за стеклами очков казались огромными, что придавало ему вид растерянного ребенка.

— Это случилось сегодня ночью. Мне приказали стоять в засаде на улице Фонтен…

— Минутку, — перебил Мегрэ, усаживаясь верхом на соломенный стул и раскуривая трубку. — С кем ты работаешь?

— С комиссаром Амадье.

— Продолжай.

Посасывая трубку и глядя прищурившись поверх этажерки с медными кастрюлями на выбеленную известью стену, Мегрэ вспоминал такие знакомые ему картины. На набережной Орфевр кабинет Амадье, последний справа, располагался в самом конце коридора. Амадье, унылый тощий человек, был произведен в дивизионные комиссары после ухода Мегрэ в отставку.

— Он по-прежнему носит длинные усы?

— По-прежнему. Вчера мы получили постановление о задержании Пепито Палестрино, хозяина кабаре «Флория» на улице Фонтен.

— Номер дома?

— Пятьдесят три, рядом с магазинчиком оптика.

— В мое время заведение содержал Тореадор. Что-нибудь связанное с кокаином?

— Да, в основном. Но и еще кое-что. Шеф слышал, что Пепито замешан в истории с Барнабе, тем типом, которого недели две назад зарезали на площади Бланш. Вы наверняка читали об этом в газетах.

— Завари кофе, — бросил Мегрэ жене.

И с довольным вздохом большого пса, который, покружив по комнате, укладывается наконец на место, он облокотился на спинку своего крес-

ла, подперев подбородок сложенными вместе руками. Время от времени Филипп снимал очки, протирал стекла и на несколько мгновений становился похож на слепца. Это был высокий плотный рыжий парень с карамельно-розовой кожей.

— Вы же знаете, мы больше не можем действовать, как нам хочется. В ваше время такого Пепито без разговора взяли бы в любом часу ночи. Сейчас приходится строго соблюдать букву закона. Вот почему шеф решил осуществить задержание в восемь утра. А до тех пор приказал мне караулить птичку…

Филипп то погружался в вязкое спокойствие комнаты, то снова рывком возвращался к случившейся с ним трагедии и потерянно озирался по сторонам.

От некоторых фраз на Мегрэ как бы веяло запахом Парижа. Он представил себе светящуюся вывеску «Флории», швейцара, который выскакивает навстречу подъезжающим машинам, племянника, приближающегося вечером к кабаре.

— Сними пальто, Филипп, иначе простынешь на обратном пути, — вмешалась г-жа Мегрэ.

Молодой человек был в смокинге. В низенькой

кухне с потолком из толстых балок и полом, вымощенным красной плиткой, это производило комический эффект.

— Выпей еще чуть-чуть…

Но Филипп неожиданно вскочил и в новом приступе отчаяния до боли заломил себе руки.

— Если бы вы знали, дядя…

Ему хотелось расплакаться, но слез не было. Взгляд его еще раз упал на электрическую лампочку. Он топнул ногой.

— Ручаюсь, меня вот-вот арестуют.

Г-жа Мегрэ с кастрюлей в руках — она заливала кофе кипятком — круто повернулась.

— Что ты несешь?

Мегрэ, продолжая курить, слегка раздвинул вышитый красным ворот ночной рубашки.

— Итак, ты сидел в засаде напротив «Флории»…

— Нет, я вошел туда, — возразил Филипп, продолжая стоять. — В глубине кабаре есть маленький кабинетик, где Пепито поставил себе койку. Там он обычно спал после закрытия.

По дороге проехала двуколка. Стенные часы стояли.

Мегрэ взглянул на свои ручные, висевшие на гвоздике над камельком. Было половина пятого.

В хлевах начиналась дойка. В Орлеан, на рынок, потянулись телеги.

На шоссе перед домом все еще ожидало такси.

— Я перемудрил, — признался Филипп. — На прошлой неделе шеф наорал на меня и сказал…

Он покраснел, осекся, поискал, на что бы перевести взгляд.

— Что он сказал?

— Уж не помню.

— А я и так знаю. Раз это Амадье, он должен был произнести что-нибудь вроде: «Вы — фантазер, милейший, фантазер, как и ваш дядя».

Филипп не сказал ни да, ни нет.

— Словом, я перемудрил, — поспешно продолжал он. — Когда, к половине второго, клиенты разошлись, я спрятался в туалете. Я подумал, что если Пепито что-нибудь пронюхал, он, вероятно, попытается убрать свой товар. И знаете, что из этого получилось?

Мегрэ с еще более серьезным видом медленно покачал головой.

— Пепито был один. Уж в этом-то я уверен. Так вот, неожиданно грохнул выстрел. У меня ушло несколько секунд на то, чтобы сообразить, что произошло; еще несколько секунд на то, чтобы добежать до зала. Ночью он мне показался огром-

ным. Горел один-единственный плафон. Пепито лежал между двумя рядами столиков. Падая, он опрокинул соседние стулья. Он был мертв.

Мегрэ поднялся и щедро плеснул себе водки, хотя жена и сделала ему знак — не пей лишнего.

— Это все?

Филипп метался по комнате. Обычно он был не из разговорчивых, но сейчас так и сыпал слова сухим и злым голосом.

— Нет, не все. Вот тут-то я и свалял дурака. Я перетрусил. Потерял всякую способность думать. Пустой зал выглядел зловеще, утопал, казалось, в серых сумерках. На полу и столиках валялся серпантин. Пепито лежал в странной позе, на боку, прижав руку к ране, и словно смотрел на меня. Что было дальше? Я выхватил револьвер и заговорил. Что-то прокричал, и собственный голос перепугал меня еще больше. По всем углам, словно драпировки, висела тьма, и мне казалось, она шевелится. Я сделал над собой усилие. Пошел осматривать заведение. Неожиданно распахнул какую-то дверь, сорвав бархатную портьеру. За ней обнаружил распределительный щит. Хотел врубить свет, защелкал наугад выключателями и окончательно потерял голову. Тут включился красный прожектор. По всем углам загудели

вентиляторы. «Есть тут кто?» — снова заорал я.

Филипп прикусил губу. Тетка смотрела на него в таком же волнении, в каком пребывал племянник. Сын ее сестры, он родился в Эльзасе и устроился на набережную Орфевр с помощью Мегрэ. «Я предпочла бы видеть мальчика на административной службе», — признавалась мать Филиппа.

Он задыхался.

— Не сердитесь, дядя. Сам не знаю, как все получилось. Вспоминаю — и то с трудом. На всякий случай я осмотрелся: мне почудилось какое-то шевеление. И тут же ринулся вперед, затем остановился. Мне показалось, будто я слышу шаги, шепот. Но вокруг все было пусто. Я никогда не предполагал, что зал так велик и в нем можно наткнуться на столько препятствий. В конце концов я очутился в кабинетике Пепито. На столе валялся пистолет. Я машинально схватил его. Ствол был еще горячий. Я вытащил обойму и убедился, что одного патрона не хватает.

— Идиот! — буркнул Мегрэ.

В чашках дымился кофе, а г-жа Мегрэ стояла с сахарницей в руке, не сознавая, что делает.

— Я буквально рехнулся. Со стороны двери мне опять почудился шум. Я побежал туда. И лишь

потом сообразил, что у меня в обеих руках по стволу.

— Куда ты дел пистолет?

Голос Мегрэ звучал жестко.

Филипп потупился.

— У меня возникла куча разных мыслей. Если заподозрят преступление, неизбежно подумают, что раз я был наедине с Пепито…

— О Господи! — простонала г-жа Мегрэ.

— Это длилось всего несколько секунд. Я положил пистолет рядом с рукой мертвеца — пусть выглядит как самоубийство, потом…

Мегрэ поднялся, заложил руки за спину и в своей излюбленной позе встал у камелька. Он был небрит и несколько растолстел с тех пор, когда вот так же стоял у своей печки на набережной Орфевр.

— Выходя, ты кого-то встретил. Так ведь?

Мегрэ был заранее в этом уверен.

— Как раз в тот момент, когда я закрывал за собой дверь, я толкнул мужчину, проходившего мимо по тротуару. Извинился. Мы чуть было не задели друг друга носами. Не знаю даже, закрыл ли я потом дверь. Я дошел до площади Клиши, взял такси и дал ваш адрес.

Г-жа Мегрэ поставила сахарницу на буковый

стол и деловито осведомилась у мужа:

— Какой наденешь костюм?

Полчаса в доме царил беспорядок.

Слышно было, как Мегрэ бреется и одевается в спальне. Г-жа Мегрэ варила яйца и расспрашивала племянника.

— Мать пишет?

— С ней все в порядке. На Пасху приедет в Париж.

В дом пригласили и шофера, который отказался снять тяжелое коричневое пальто. На усах у него подрагивали капельки влаги. Он уселся в угол и больше не шелохнулся.

— Где мои подтяжки? — прокричал сверху Мегрэ.

— В верхнем ящике комода.

Наконец Мегрэ опять спустился вниз в своем пальто с бархатным воротником и котелке. Он отодвинул поданные ему яйца и, не взирая на протесты жены, выпил четвертую стопку водки.

В половине шестого дверь дома распахнулась и трое мужчин направились к машине. Мотор долго не заводился. Г-жа Мегрэ дрожала от холода у приоткрытой двери, и красноватые отблески керосиновой лампы плясали на плитках пола.

Было так светло, что казалось, день уже занял-

ся. Но шел еще только февраль, и серебрилась сама ночь. На каждой травинке поблескивал иней. Яблони в соседском саду настолько побелели от мороза, что выглядели хрупкими, словно из стеклянного волокна.

— Дня через два-три вернусь, — бросил Мегрэ.

— До свиданья, тетя! — в свой черед, сконфуженно попрощался Филипп.

Водитель захлопнул дверцу и первые минуты целиком посвятил себя переключению скрежещущих скоростей.

— Простите меня, дядя.

— За что?

Филипп не решился ответить. Он попросил прощения, потому что чувствовал: в их отъезде есть что-то драматическое. Он помнил, как выглядел его дядя совсем недавно у камелька — ночная рубашка, старая одежда, шлепанцы.

И теперь молодой человек не осмеливался смотреть на него. Да, бесспорно, рядом с ним сидел Мегрэ: дымящаяся трубка в зубах, бархатный воротник пальто поднят, шляпа нахлобучена на лоб. Но это был не прежний энергичный, уверенный в себе Мегрэ. Дважды он оборачивался и смотрел на исчезавший вдали домик.

— Амадье прибудет на улицу Фонтен к вось-

ми? — спросил он.

— Да, к восьми.

Времени у них хватало. Такси шло довольно быстро.

Они пересекли Орлеан, где ожили первые трамваи.

Меньше, чем через час, машина достигла Арпажонского рынка.

— Что вы обо всем этом думаете, дядя?

Даже в глубине салона их пробирало сквозняком.

Небо было светлое. Восток начинал золотиться.

— Как ухитрились убить Пепито? — вздохнул Филипп, но и этот его вопрос остался без ответа.

Машина остановилась на окраине Арпажона, все трое зашли погреться в какое-то бистро, и почти тотчас же рассвело, а за полями, на горизонте, медленно стало подниматься бледное солнце.

— Там же никого, кроме нас с ним, не было…

— Помолчи, — устало оборвал его Мегрэ.

С видом застигнутого на месте провинности мальчишки Филипп забился в угол, не смея оторвать взгляд от дверцы автомобиля.

В Париж они въехали, когда на улицах уже царило утреннее оживление. Бельфорский лев,

бульвар Распайль, Новый мост…

Город, казалось, вымыли чистой водой — так ярки были краски. Вверх по Сене медленно поднимался караван барж, и буксир, гудками возвещая о ведомой им флотилии, выпускал в воздух струи непорочно чистого пара.

— Скольких прохожих ты заметил, выйдя на улицу Фонтен?

— Только одного — того, которого толкнул.

Мегрэ со вздохом выбил трубку, легонько постучав ею о каблук.

— Куда вас отвезти? — осведомился таксист, опустив заднее стекло кабины.

— Меня беспокоит не столько то, что случилось во «Флории», сколько тот, с кем ты столкнулся.

— Вы полагаете…

— Ничего я не полагаю.

Это было одно из любимых выражений Мегрэ, и всплыло оно из прошлого в тот самый момент, когда он повернулся, чтобы взглянуть на столь привычный ему в прошлом контур Дворца правосудия.

— Один раз мне даже захотелось пойти и рассказать все начальнику уголовной полиции, — промямлил Филипп.

Мегрэ не ответил. До самой улицы Фонтен у

него перед глазами стояло видение — Сена в тонком лазурно-золотом тумане.

Они вылезли в сотне метров от дома номер 53. Филипп поднял воротник пальто, чтобы скрыть свой смокинг, но прохожие все равно оборачивались — на молодом человеке были лакированные туфли.

Было всего лишь без десяти семь. В угловом бистро под вывеской «Табак улицы Фонтен», которое работает всю ночь, мыли окна. Люди, спешившие на работу, забегали туда проглотить порцию кофе с молоком и рогалик. Обслуживал их подавальщик, молодой волосатый и чернявый овернец, потому что хозяин заведения, не ложившийся до пяти-шести утра, спал до полудня.

На столе для игры в белот [1] вокруг грифельной доски для записи очков валялись сигарные и сигаретные окурки.

Мегрэ купил пачку дешевого табака, заказал сандвич.

Филипп изнывал от нетерпения.

— Как прошла ночка? — поинтересовался

---

[1] Примечания: 1

Вид карточной азартной игры. Была очень популярной с 19 по середину 20 века во Франции, Болгарии и других странах Европы. В белот играют два-три игрока. Главная задача игроков набрать 1001 очко или более, которые начисляются за взятки, за комбинации, и за последнюю взятку.

бывший комиссар, набивая себе рот хлебом и ветчиной.

Получив с него, подавальщик будничным тоном ответил:

— Говорят, убили хозяина «Флории».

— Палестрино?

— Не знаю. Я работаю днем, а в это время не до ночных заведений.

Дядя и племянник вышли. Филипп не отваживался открыть рот.

— Ну, видишь? — прогромыхал Мегрэ. И, остановившись на краю тротуара, добавил: — Это работа того, кого ты толкнул, понятно? По логике никто ничего не должен был бы знать до восьми утра.

Они направились к «Флории», но остановились метрах в пятидесяти от кабаре. У дверей его можно было разглядеть кепи полицейского. На противоположном тротуаре толпились любопытные.

— Что мне делать?

— Твой шеф наверняка уже на месте. Разыщи его и скажи…

— А вы, дядя?

Мегрэ пожал плечами и договорил:

— Скажи ему правду.

— А если спросит, куда я подевался потом?

— Ответишь, что ездил ко мне.

Тон у Мегрэ был безнадежный. Ничего не поделаешь, все не заладилось с самого начала. История вышла до зубовного скрежета глупая.

— Простите меня, дядя.

— Пожалуйста, без сентиментальных сцен на улице. Если тебя не возьмут под стражу, встретимся в пивной «У Нового моста». В случае, если не смогу прийти, оставлю записку.

Они даже не обменялись рукопожатием. Филипп устремился во «Флорию», но полицейский, не знавший его, преградил ему дорогу. Инспектор вынужден был предъявить свой жетон и скрылся за дверью.

А Мегрэ, засунув руки в карманы, остался в отдалении, вместе с зеваками. Он выжидал. Прошло с полчаса, а он так и не узнал, что же происходит в кабаре.

Первым оттуда вышел комиссар Амадье в сопровождении неприметного человечка, смахивавшего на официанта из кафе.

Мегрэ не понадобилось объяснений. Он и без них понял, что это прохожий, столкнувшийся с Филиппом.

Догадывался, о чем спросил незнакомца

Амадье.

— Это вот тут вас толкнули?

Официант из кафе утвердительно кивнул. Амадье жестом подозвал Филиппа, который остался в кабаре и только теперь вышел оттуда, взволнованный, словно выпускник консерватории в день дебюта. Ему наверняка казалось, что вся улица в курсе тяготеющих над ним подозрений.

— Вот этот господин выходил в ту минуту? — несомненно, задал новый вопрос Амадье, дергая себя за каштановый ус.

Собеседник его опять кивнул.

При сцене присутствовали два других инспектора.

Дивизионный комиссар взглянул на часы, коротко посовещался с подчиненными и отпустил официанта, тут же завернувшего в «Табак улицы Фонтен», а полицейские чины возвратились во «Флорию».

Через четверть часа одна за другой подкатили две машины. Приехала прокуратура.

— Видно, придется мне вернуться и повторить свои показания, — разоткровенничался официант с подавальщиком «Табака». — Еще белого с виши, да поживей.

И, почувствовав себя неуютно под тяжелым взглядом Мегрэ, опорожнявшего рядом с ним кружку пива, осведомился, но уже потише:

— Кто этот тип?

Глава 2

Мегрэ старательно, как школьник, вычертил прямоугольник и где-то посередине его поставил крестик. Слегка набычась, он с недовольной миной рассматривал свое произведение. Прямоугольник изображал «Флорию», крестик — Пепито. На самом краю прямоугольника Мегрэ вывел другой крестик, поменьше, — кабинет Пепито.

А точка, стоявшая сверху, означала пистолет.

Занятие было совершенно никчемное. Чертеж ничего не мог подсказать. Уголовное дело не сводится к задачке по геометрии. Тем не менее Мегрэ упрямо продолжал начатое: скатал бумажку шариком, взял другую, сделал новый чертеж.

Вот только он не думал больше о значении прямоугольника и крестиков. Наклонив голову, он с прилежным видом пытался то тут, то там перехватить обрывок фразы или взгляд, зафиксировать с памяти чью-нибудь позу.

Он одиноко сидел на своем былом месте в пивной «У Нового моста». Было поздно спрашивать себя, правильно или неправильно он поступил,

появившись здесь. Все его уже видели. Хозяин пожал ему руку.

— Ну, как там куры и кролики?

Мегрэ расположился у окна и со своего места видел розовый от солнца Новый мост, главную лестницу Дворца правосудия, ворота предвариловки. Хозяин пивной, с белой салфеткой под мышкой, расплылся в улыбке и добавил, думая, что проявляет вежливость:

— Наверно, довольны, что приехали повидаться с товарищами?

Инспектора службы общественного порядка и отдела меблированных комнат не утратили привычку перекидываться здесь в белот перед выходом на дежурство.

Среди них были новички, которых Мегрэ не знал, но большинство, поздоровавшись с ним, принимались тут же шептаться с коллегами.

Тогда-то он и начертил первый прямоугольник и первый крестик. Время шло. К часу аперитива в зале собралось до десятка сотрудников «конторы». Честняга Люкас, сотни раз работавший с комиссаром, чуточку сконфуженно подошел к Мегрэ.

— Как поживаете, шеф? Решили подышать воздухом Парижа?

Мегрэ в перерыве между двумя затяжками только проворчал:

— Что там рассказывает Амадье?

Хитрить с Мегрэ было бессмысленно. Он умел читать по лицу и достаточно хорошо знал уголовную полицию, чтобы сообразить, что происходит. Был уже полдень, а Филипп все еще не появился в пивной.

— Вы же знаете комиссара Амадье. В последнее время в нашей конторе кое-что не клеится. Мы не очень ладим с прокуратурой. Вот и…

— Что он сказал?

— Ну, разумеется, что вы появились. И попытаетесь…

— Знаю я его словечки. Он сказал: «Начнет мудрить».

И Мегрэ, хотя за большинством столиков говорили о нем, заказал первую кружку и весь ушел в вычерчивание прямоугольников.

Позавтракал он на том же месте, теперь уже озаренном солнцем. Чуть дальше от него ел фотограф из отдела идентификации. За кофе Мегрэ с карандашом в руках бормотал себе под нос:

— Пепито находился вот здесь, между двумя рядами столиков. Где прятался убийца — не знаю: укромных мест во «Флории» хватает. Выстрелил

он, не подозревая о присутствии этого идиота Филиппа, потом направился в кабинет, где собирался что-то взять. Едва успев положить пистолет на стол, услышал шум и спрятался снова. После чего оба затеяли игру в прятки… Это ясно. Искать иное объяснение нет нужды. В конце концов убийца добрался до двери и вышел на улицу, а Филипп замешкался. До сих пор ничего из ряда вон выходящего. Любой болван вел бы себя точно так же. А вот дальше возникает кое-что посложнее — попытка подстроить все так, чтобы кто-нибудь опознал Филиппа и дал показания против него. Замысел осуществился за несколько секунд. Глухой ночью на пустынной улице убийца сумел найти нужного человека. Последний толкнул выходящего инспектора и бросился к постовому на площади Бланш. «Послушайте, господин полицейский, я только что видел типа, выходившего из „Флории“ с таким видом, словно он что-то натворил. Он так спешил, что даже не дал себе труда закрыть за собой дверь.»

Мегрэ не смотрел на бывших коллег, осушавших в зале кружки с пивом, но догадывался, что старики шепчут молодым:

— Слыхал о комиссаре Мегрэ? Это он.

А тем временем Амадье, который его явно не

любит, уже объявил в коридорах уголовной полиции:

— Он опять попробует мудрить. Посмотрим, что у него получится.

Филипп не появился и в четыре. Вышли газеты с подробностями дела, включая показания инспектора. Еще одно очко в пользу Амадье.

На набережной Орфевр царит оживление, звонят телефоны, просматриваются досье, допрашиваются свидетели и осведомители.

Ноздри у Мегрэ подрагивали, но, прилипнув к банкетке, бывший комиссар терпеливо набрасывал карандашом какие-то чертежи.

Он должен во что бы то ни стало отыскать убийцу Пепито. А он как на зло не в своей тарелке, колеблется, сомневается в успехе. Мегрэ наблюдал за молодыми инспекторами, пытаясь угадать, что они думают о нем.

Филипп появился только без четверти шесть и, войдя в зал, на минуту остановился, словно ослепнув от света.

Потом сел рядом с Мегрэ, изобразил улыбку и выдохнул:

— Долго же это тянулось!

Парень был предельно вымотан, он провел рукой по лицу, чтобы собраться с мыслями.

— Я из прокуратуры. Судебный следователь допрашивал меня полтора часа. А до этого заставил два часа ждать в коридоре.

На них смотрели. И пока Филипп говорил, Мегрэ разглядывал сидящих напротив.

— Знаете, дядя, дело много серьезнее, чем мы думали.

Каждое слово обрастало для комиссара многими ассоциациями. Он знал следователя Гастамбида, маленького, педантичного, желчного баска, взвешивавшего каждое слово и по нескольку минут готовившего очередную фразу, которую он выпаливал затем с таким видом, как будто спрашивал: «Ну-ка, попробуйте возразить?»

Знаком был Мегрэ и коридор на верхнем этаже, забитый подследственными под конвоем жандармов и скамьями, на которых томятся нетерпеливые свидетели и заплаканные женщины. Коль скоро Филиппа заставили ждать, значит, сделано это нарочно.

— Следователь попросил меня не заниматься никакими делами, не предпринимать никаких шагов до окончания следствия и оставаться в его распоряжении.

В пивной «У Нового моста» был час пик — время аперитива. Все столики были заняты. В воздухе

клубился дым от трубок и сигарет. Время от времени кто-нибудь из входящих здоровался издали с Мегрэ.

Филипп не осмеливался поднять глаза на соседей, даже на того, с кем сидел рядом.

— Я в отчаянии, дядя.

— Что еще стряслось?

— Считалось само собой разумеющимся, что «Флория» закроется минимум на несколько дней. Ничего подобного. Сегодня состоялся целый ряд каких-то таинственных телефонных звонков. Похоже, еще третьего дня «Флорию» продали, и Пепито перестал быть ее хозяином. Тот, кто приобрел заведение, пустил в ход не знаю уж какие связи, и нынче вечером кабаре откроется, как обычно.

Мегрэ нахмурился — то ли из-за того, что услышал, то ли потому, что в зал вошел и устроился на другом его конце комиссар Амадье в сопровождении одного из коллег.

— Годе! — неожиданно громко окликнул Мегрэ.

Годе, инспектор отдела светской жизни, играл в карты за четвертым от бывшего комиссара столиком. Не выпуская карт из рук, он нерешительно повернулся.

— Подойди, когда закончишь партию.

И, скомкав свои бумажки, Мегрэ швырнул их на пол.

Залпом допил пиво, утер губы и перевел взгляд на Амадье.

Тот все слышал. Он издали наблюдал за сценой, подливая воду себе в перно. Наконец подошел заинтригованный Годе.

— Хотите поговорить со мной, господин комиссар?

— Привет, старина! — пожал ему руку Мегрэ. — Нужна маленькая справка. Ты по-прежнему в отделе светской жизни? Прекрасно. Скажи, сегодня утром Кажо не был у вас?

— Минутку… Да, по-моему, был часов в одиннадцать.

— Благодарю, старина.

Вот и все. Мегрэ глядел на Амадье. Амадье — на Мегрэ. Теперь не по себе было уже первому, а улыбку прятал второй.

Филипп не рискнул вмешаться. Дело, похоже, чуть-чуть сдвинулось с мертвой точки, но игра, которая началась, была не по плечу молодому инспектору — он даже не знал ее правил.

— Годе! — раздался другой голос.

На этот раз все, кто имел в зале касательство

к «конторе», вздрогнули. Инспектор с картами в руках снова встал и направился к комиссару Амадье.

Вслушиваться в их разговор не было необходимости: каждый понимал, что интересует Амадье.

— Что он тебя спросил?

— Видел ли я нынче утром Кажо.

Мегрэ раскурил трубку, дал спичке догореть до конца, потом поднялся и позвал:

— Официант!

Выпрямившись во весь рост и лениво поглядывая по сторонам, он дождался, пока ему отсчитают сдачу.

— Куда мы теперь? — поинтересовался Филипп, когда они вышли на улицу.

— Ты отправишься спать.

— А вы, дядя?

Мегрэ пожал плечами, засунул руки в карманы и молча пошел прочь. Сегодняшний день был одним из самых скверных в его жизни. Долгие часы в своем углу он чувствовал себя старым, опустошенным, без мыслей и запала.

Теперь все завертелось. Блеснула первая искорка.

Этим надо было немедленно воспользоваться.

— Посмотрим, черт побери! — пробурчал он,

чтобы окончательно вернуть себе уверенность.

В обычные дни он в это время зажигал лампу и читал газету, вытянув ноги к горящему камельку.

— Часто наезжаете в Париж?

Мегрэ, облокотившийся о стойку бара во «Флории», вскинул голову и лаконично отозвался:

— Случается.

К нему вернулось хорошее настроение, выражавшееся не в улыбке, а в чувстве внутренней успокоенности. Он всегда отличался способностью веселиться про себя, сохраняя при этом внешнюю серьезность. К нему подсела какая-то женщина. Попросила угостить ее стаканчиком, и он знаком выразил согласие.

Еще года два тому назад ни одна профессионалка не совершила бы такой ошибки. Его пальто с бархатным воротником, черная тройка из чертовой кожи и галстук-самовяз ничего ей не подсказали. И раз она сочла его загулявшим провинциалом, значит, он действительно изменился.

— Тут наверняка что-то произошло, верно? — закинул он удочку.

— Да, прошлой ночью убили хозяина «Флории».

Ошиблась она насчет Мегрэ и в том смысле, что решила, будто он с ней заигрывает. Нет, все было гораздо сложнее. Мегрэ вновь вживался в давно покинутый им мир. Эту бабенку он видел впервые и в то же время прекрасно ее знал. Был уверен, что она не числится в регистрационных списках префектуры и в паспорте у нее стоит отметка «артистка» или «танцовщица». Что касается бармена-китайца, который их обслуживал, Мегрэ мог бы дословно воспроизвести его антропометрические данные. А вот гардеробщица — та не ошиблась и, поздоровавшись с ним, принялась беспокойно копаться в своих воспоминаниях.

Среди официантов нашлось, по меньшей мере, двое, которых Мегрэ в свое время вызывал по делам того же сорта, что смерть Пепито.

Он заказал коньяк с водой. Лениво и скорее инстинктивно наблюдал за залом, словно расставлял взглядом крестики на бумаге. Клиенты, уже прочитавшие газеты, расспрашивали официантов, и те показывали им место чуть поодаль от пятого столика, где был обнаружен труп.

— Не хотите заказать бутылочку шампанского?

— Нет, малышка.

Женщина не то чтобы догадалась, но, во всяком

случае, почувствовала себя заинтригованной, а Мегрэ следил глазами за новым хозяином, молодым блондином, которого знавал, когда тот заведовал дансингом на Монмартре.

— Проводите до дому?

— Обязательно, только чуть позже.

Он вышел в туалет, угадал, где прятался Филипп, увидел в глубине зала кабинет, дверь которого была приоткрыта. Но все это не интересовало его. Еще до того, как Мегрэ вновь появился на улице Фонтен, он уже знал, как выглядят декорации. Что представляют собой актеры — тоже. Он мог бы обойти зал и, ткнув пальцем в любого клиента, объявить: «За этим столиком сидят молодожены с Юга — у них медовый месяц. А вон тот уже пьяный чудак-немец утром окажется без бумажника. Дальше — платный танцор с уголовным прошлым и пакетиками кокаина в карманах. В доле с ним метрдотель, отсидевший три года. Вот эта пухленькая блондинка отработала десять лет у „Максима“ и заканчивает на Монмартре свою карьеру…»

Он вернулся в бар.

— Можно мне заказать еще один коктейль? — спросила женщина, которую он уже раз угостил.

— Как тебя зовут?

— Фернандой.

— Что ты делала вчера вечером?

— Была с тремя сынками богатых родителей, пожелавшими нюхнуть эфира. Меня потащили в какой-то особняк на улице Нотр-Дам-де-Лоретт…

Мегрэ даже не улыбнулся, хотя мог бы и сам дорассказать остальное.

— Сначала каждый поочередно зашел в аптеку на улице Монмартр и купил пузырек эфира. Дальнейшее в деталях я уже запамятовала. Первым делом все разделись. Но на меня даже не взглянули. Потом мы вчетвером улеглись на кровать. Когда все надышались эфира, один встал и каким-то чудным голосом объявил: «Ух ты! На шкафу-то ангелочки сидят. И какие хорошенькие!.. Сейчас я их поймаю…» Он попробовал встать, но тут же рухнул на коврик. Меня мутило от запаха. Я спросила, чего они от меня еще хотят, и снова оделась. Мне даже удалось посмеяться. На подушке между двумя головами сидел клоп. До сих пор слышу, как один из этих типов сонным голосом произнес: «У меня под носом клоп». — «У меня тоже», — отозвался другой. И они не шелохнулись.

Женщина залпом допила коктейль и заключила:

— Вот чокнутые!

Тем не менее она забеспокоилась:

— Останешься у меня на всю ночь?

— Конечно, конечно, — заверил Мегрэ.

От входа и располагавшейся сразу за ним вешалки бар был отделен занавесом. Сквозь щель в нем Мегрэ мог видеть входящих. Неожиданно он сполз с высокого табурета и сделал несколько шагов вперед. Появился мужчина, негромко осведомившийся у гардеробщицы:

— Ничего нового?

— Здравствуйте, господин Кажо!

Это сказал Мегрэ, держа трубку в зубах и руки в карманах. Новоприбывший медленно повернулся кругом, оглядел говорившего с головы до ног и процедил:

— Вы здесь? Вы?

Позади них были красный занавес и музыка, перед ними — открытая дверь на холодную улицу, где прохаживался швейцар. Тот, кого назвали г-ном Кажо, заколебался, снимать ему пальто или нет.

Фернанда, все еще не успокоенная, высунула нос из зала, но тут же отпрянула.

— Разопьете со мной бутылочку?

Кажо принял наконец решение и, не спуская глаз с собеседника, сдал пальто на вешалку.

— Раз вы приглашаете… — согласился Мегрэ.

Подоспевший метрдотель проводил их к свободному столику. Не взглянув на карту вин, Кажо распорядился:

— Мумм [2] двадцать шестого года.

Он был не в смокинге, а в дешевой темно-серой тройке такого же скверного покроя, что и у Мегрэ. Он даже не побрился, и щеки его покрывала сероватая щетина.

— Я думал, вы в отставке.

— Я действительно в отставке.

Хотя, на первый взгляд, этот обмен репликами ничего не означал, Кажо все-таки нахмурился и жестом подозвал продавщицу сигар и сигарет. Фернанда в баре широко раскрыла глаза. Что до молодого Альбера, игравшего роль хозяина заведения, то этот ломал себе голову, подойти или не подходить.

— Сигару?

— Благодарю, нет, — отказался Мегрэ, выбивая трубку.

— Надолго в Париж?.

— Пока убийца Пепито не сядет в тюрьму.

Они не повышали голоса. Рядом с ними люди в

---

[2] Примечания: 2
Сорт шампанского.

смокингах развлекались, перебрасываясь шариками и серпантином. Между столиками важно шествовал саксофонист со своим инструментом.

— Вас вызвали расследовать это дело?

У Жермена Кажо было длинное тусклое лицо, кустистые брови цвета серой плесени. Такого человека меньше всего ожидаешь встретить там, где развлекаются. Говорил он медленно и холодно, следя, какое впечатление производит каждое его слово.

— Я приехал без вызова.

— Работаете на себя?

— Вы сами это сказали.

Все это ровным счетом ничего не значило. Фернанда и та наверняка думает, что ее спутник знаком с Кажо лишь по какому-то невероятному стечению обстоятельств.

— Давно приобрели это заведение?

— «Флорию»? Ошибаетесь. Она принадлежит Альберу.

— Как до этого Пепито?

Кажо не стал спорить, ограничившись невеселой улыбкой, и жестом остановил официанта, собиравшегося разлить шампанское.

— И что дальше? — спросил он тоном человека, нащупывающего тему для разговора.

— Какое у вас алиби?

Ответом была новая, еще более равнодушная улыбка, и Кажо, не моргнув глазом, отчеканил:

— Я лег в девять вечера: слегка грипповал. Привратница, которая заодно ведет мое хозяйство, принесла мне грог и подала его в постель.

Ни тот, ни другой не замечали оглушительного шума, стеной отгораживавшего их от зала. Они привыкли к нему. Мегрэ курил трубку, Кажо — сигару.

— По-прежнему строго на Пугской воде? — полюбопытствовал бывший комиссар, когда собеседник налил ему шампанского.

— По-прежнему.

Они сидели лицом к лицу, серьезные, чуть нахмуренные, как авгуры, а какая-то женщина, сидевшая за соседним столиком и не знавшая, кто они, пыталась угодить кому-нибудь из них в нос ватным шариком.

— Быстро, однако, вы добились разрешения вновь открыть лавочку! — заметил Мегрэ между двумя затяжками.

— Я всегда был в хороших отношениях с «конторой».

— Вам известно, что один мальчишка по-дурацки скомпрометировал себя в этой истории?

— Я что-то читал на этот счет в газетах. Полицейский спрятался в туалете и с перепугу убил Пепито.

Джаз не смолкал. Какой-то англичанин, уже пьяный и державшийся поэтому особенно прямо, проходя задел Мегрэ и извинился:

— Простите.

— Пожалуйста.

Фернанда у стойки бара беспокойно поглядывала на Мегрэ. Он улыбнулся ей.

— Молодые полицейские так неосторожны, — вздохнул Кажо.

— Именно так я и сказал своему племяннику.

— Ваш племянник интересуется подобными вопросами?

— Он как раз и есть тот мальчишка, что прятался в туалете.

Побледнеть Кажо не мог — лицо у него и без того было землисто-серое. Зато он поспешил сделать большой глоток минеральной воды, после чего утер губы.

— Тем хуже, не правда ли?

— Именно это я ему и сказал.

Фернанда подбородком указала на стенные часы: было уже половина второго. Мегрэ знаком дал понять: «Сейчас иду».

— Ваше здоровье! — бросил Кажо.

— Ваше!

— Хорошо у вас там в деревне? Мне рассказывали, что вы перебрались за город.

— Да, хорошо.

— В Париже зимой нездоровый климат.

— Я так и подумал, узнав о смерти Пепито.

— Полно, полно! — запротестовал Кажо, видя, что собеседник достает бумажник.

Тем не менее Мегрэ бросил на столик пятьдесят франков, встал и попрощался:

— До скорого!

Он прошел мимо бара, на ходу шепнув Фернанде:

— Двинулись.

— Ты расплатился?

На улице она не решилась взять его под руку. Он, как обычно, засунул руки в карманы и шел медленным крупным шагом.

— Ты знаком с Кажо? — спросила она наконец, слегка запнувшись на местоимении «ты».

— Он мой земляк.

— Смотри, остерегайся его. Он скользкий тип. Говорю тебе это, потому что ты, по-моему, славный малый.

— Ты спала с ним?

И Фернанда, у которой на каждый шаг спутника приходилось два, ответила так же просто:

— Он ни с кем не спит.

В Мен-сюр-Луар, в доме, где пахло сгоревшими дровами и козьим молоком, г-жа Мегрэ досматривала первый сон. На улице Дам, в номере гостиницы, Филипп тоже в конце концов уснул, положив очки рядом, на ночной столик.

Глава 3

Мегрэ присел на край кровати, а Фернанда, скрестив ноги, со вздохом облегчения разулась. Столь же непринужденно приподняла зеленое шелковое платье и отстегнула подвязки.

— Ты не разденешься?

Мегрэ покачал головой, но женщина не заметила этого, потому что стаскивала платье через голову.

Фернанда занимала небольшую квартирку на улице Бланш. На лестнице, застланной красной дорожкой, пахло восковой мастикой. Взбираясь по ней, Мегрэ видел у каждой двери пустые молочные бутылки. Затем они прошли через заставленную безделушками гостиную, и теперь гость поглядывал из спальни на чистую кухоньку, где все предметы были педантично и тщательно расставлены по своим местам.

— О чем задумался? — спросила Фернанда, стянув чулки со своих длинных белых ног и с блаженством шевеля пальцами.

— Ни о чем. Курить можно?

— Сигареты на столе.

Расхаживая по комнате с трубкой в зубах, Мегрэ остановился перед фотопортретом женщины лет пятидесяти, затем перед медным горшком с каким-то зеленым растением. Пол был натерт, и у двери виднелись два куска войлока в форме подошв: Фернанда, видимо, пользовалась ими, чтобы не пачкать квартиру.

— Ты с Севера? — спросил он, не глядя на нее.

— Как ты догадался?

Теперь он стоял перед ней. Она была блондинка с волосами неопределенного, скорее рыжеватого оттенка, неправильным лицом, широким ртом, остреньким веснушчатым носом.

— Я из Рубе.

Это чувствовалось по ухоженности квартиры, натертым полам, в особенности по порядку на кухне. Мегрэ был уверен, что по утрам Фернанда устраивается там поближе к плите, наливает себе огромную чашку кофе и читает газету.

Сейчас она не без тревоги поглядывала на гостя.

— Ты не разденешься? — повторила она, вставая и подходя к зеркалу. И тут же подозрительно осведомилась: — Зачем ты тогда пришел?

Она почувствовала, что что-то не так, и голова у нее заработала.

— Ты права: я пришел не за этим, — с улыбкой признался Мегрэ.

И улыбнулся еще шире, увидев, как она, словно внезапно застыдившись, схватила халат.

— Что же тебе нужно?

Она все еще не догадывалась, хотя давно уже привыкла разбираться в мужчинах. Сейчас она присматривалась к ботинкам, галстуку, глазам посетителя.

— Ты, часом, не из полиции?

— Сядь и поговорим по-дружески. Ты не совсем ошиблась: я долго был комиссаром уголовной полиции.

Фернанда нахмурилась.

— Не бойся. Я больше не служу. Перебрался в деревню, а в Париж приехал сегодня потому, что Кажо учинил большую подлость.

— Вот оно что! — вырвалось у нее. Она, видимо, вспомнила, как странно выглядели оба мужчины за столом.

— Мне нужно это доказать, а я уже не вправе кое-кого допросить.

Она вновь перешла с ним на «вы».

— И вы хотите, чтобы я вам помогла? Так ведь?

— Угадала. Ты же не хуже меня знаешь, что «Флория» — змеиное гнездо.

Фернанда вздохнула в знак согласия.

— Всем заправляет Кажо, который владеет также «Пеликаном» и «Зеленым шаром».

— Похоже, он открыл какое-то заведение и в Ницце.

В конце концов оба уселись за стол, и женщина осведомилась:

— Выпьете чего-нибудь горяченького?

— Не сейчас. Ты, конечно, слышала об истории на площади Бланш две недели назад. Около трех утра по ней проехала машина, где сидело несколько человек. Между площадями Бланш и Клиши дверца распахнулась, и один из пассажиров вылетел на мостовую. Перед этим его прикончили ударом ножа.

— Барнабе! — уточнила Фернанда.

— Знала его?

— Он захаживал во «Флорию».

— Так вот, это подстроил Кажо. Не знаю, был ли он сам в машине, но Пепито в ней сидел. А прошлой ночью настал его черед.

Женщина отмолчалась. Наморщив лоб, она соображала — ни дать ни взять озабоченная хозяйка.

— А вас-то это как касается? — полюбопытствовала она наконец.

— Если я не доберусь до Кажо, вместо него осудят моего племянника.

— Это такой высокий рыжий парень, смахивающий на налогового инспектора.

Теперь удивился Мегрэ:

— Ты-то откуда его знаешь?

— Он вот уже несколько дней торчит в баре «Флория». Я засекла его потому, что он не танцует и ни с кем не разговаривает. Вчера он поставил мне стаканчик. Я попробовала вытянуть из него что-нибудь, и он, хоть не раскололся до конца и, в основном, только мямлил, все же признался, что не может ничего сказать, потому как выполняет важное задание.

— Кретин!

Мегрэ встал и пошел напролом.

— Итак, договорились? Поможешь мне взять Кажо, получишь две тысячи франков.

Она невольно улыбнулась. Происходящее забавляло ее.

— Что я должна делать?

— Для начала мне нужно знать, не заходил ли прошлой ночью наш Кажо в «Табак улицы Фонтен».

— Сходить туда сегодня?

— Если не возражаешь — немедленно.

Она сбросила пеньюар и с платьем в руке уставилась на собеседника.

— Мне в самом деле одеться?

— Конечно, — вздохнул он, кладя на камин сто франков.

Они вместе поднялись по улице Бланш. На углу улицы Дуэ, обменявшись рукопожатием, разошлись, и Мегрэ направился вниз по улице Нотр-Дам-де-Лоретт.

Подходя к своей гостинице, он поймал себя на том, что насвистывает какой-то мотивчик.

В десять утра он засел в пивной «У Нового моста», выбрав такой столик, на который то и дело падала тень от прохожих. В воздухе уже чувствовалась весна. Уличная жизнь становилась оживленней, шумы — пронзительней.

На набережной Орфевр было время доклада. В конце длинного коридора, вдоль которого располагались отделы уголовной полиции, начальник ее принимал своих сотрудников, являвшихся с папками разработок.

В числе прочих был и комиссар Амадье. Мегрэ чудилось, что он слышит голос начальника:

— Ну-с, Амадье, что с делом Палестрино?

Амадье наклоняется, дергает себя за ус, изображает любезную улыбку.

— Вот донесения, господин начальник.

— Правда, что Мегрэ в Париже?

— Говорят.

— Какого же черта он не заглянет ко мне?

Мегрэ улыбался. Он знал, что все идет именно так.

Представлял себе, как вытягивается и без того длинное лицо Амадье. Слышал, как тот нашептывает:

— У него, возможно, есть на то причины.

— Вы всерьез полагаете, что инспектор стрелял?

— Я ничего не утверждаю, господин начальник. Я знаю одно: на пистолете его отпечатки. В стене отыскали вторую пулю.

— Но почему он так поступил?

— Потерял голову… Нам навязывают в инспектора молодых людей, не подготовленных к…

Как раз в эту минуту в пивную вошел Филипп, направился прямо к Мегрэ и заказал:

— Кофе с молоком… Я раздобыл все, что вы просили, дядя, хотя это было не просто. Комиссар Амадье не спускает с меня глаз. Остальные проявляют подозрительность.

Он протер очки и вытащил из кармана бумаги.

— Прежде всего, Кажо. Я сходил на чердак в

картотеку и скопировал его учетную карточку. Уроженец Понтуаза, пятьдесят девять лет. Начинал клерком у адвоката в Лионе, заработал год за изготовление и использование подложных документов. Через три года — еще шесть месяцев за попытку мошенничества со страховкой. Это уже в Марселе. Затем на несколько лет следы его теряются, но я отыскал их в Монте-Карло, где он становится крупье. С этого же момента он осведомитель Сюрте [3], что не мешает ему оказаться замешанным в каком-то деле с азартными играми, так и не расследованном до конца. Наконец, еще пять лет спустя, Париж, где Кажо делается управляющим «Восточного клуба», представляющего собой обычный игорный притон. Клуб вскорости прикрывают, но Кажо не трогают. Это все. С тех пор он живет на улице Батиньоль, где у него бывает лишь приходящая прислуга. Продолжает навещать улицу де Соссэ и набережную Орфевр. Владеет, по меньшей мере, тремя ночными кабаками, записанными, однако, на подставных лиц.

— Пепито? — бросил Мегрэ, сделав нужные заметки.

---

[3] Примечания: 3

Французская общенациональная уголовная полиция, штаб-квартира которой помещалась на улице де Соссэ.

— Двадцать девять лет. Уроженец Неаполя. Дважды высылался из Франции за торговлю наркотиками. В остальном чист.

— Барнабе?

— Уроженец Марселя. Тридцать два года. Три судимости, причем одна за вооруженный грабеж.

— Товар во «Флории» обнаружили?

— Ничего — ни наркотиков, ни бумаг. Все унес убийца Пепито.

— Как зовут типа, который толкнул тебя и поднял на ноги полицию?

— Жозеф Одиа. Бывший официант, теперь ошивается на скачках. Определенного местожительства не имеет, письма получает на адрес «Табака улицы Фонтен». Думаю, промышляет букмекерством.

— Кстати, — вставил Мегрэ, — я встретил твою подружку.

— Мою подружку? — покраснев, переспросил Филипп.

— Да, высокую девицу, в зеленом шелковом платье, которую ты угостил стаканчиком во «Флории». Мы с ней чуть было не переспали.

— Я — нет, — отрезал Филипп. — И если она уверяет в противном…

Только что появившийся Люкас топтался непо-

далеку, не решаясь подойти к ним. Мегрэ жестом подозвал его.

— Занимаешься этим делом?

— Не совсем так, шеф. Проходил мимо и решил предупредить вас, что Кажо снова в «конторе». Приплелся четверть часа назад и заперся с комиссаром Амадье.

— Выпьешь кружечку?

Люкас набил трубку из кисета Мегрэ. Был час уборки, и официанты протирали мелом зеркала, посыпали опилками пол между столиков. Хозяин пивной, уже в черном пиджаке, проверял закуски, расставленные на рабочем столе.

— Думаете, это штучки Кажо? — спросил Люкас, понизив голос и протягивая руку за кружкой.

— Убежден.

— Невесело, однако!

Филипп помалкивал, почтительно поглядывая на проработавших двадцать лет бок о бок ветеранов, которые время от времени, между двумя затяжками, произносили несколько слов.

— И видел вас, шеф?

— Я сам пришел ему сказать, что посажу его… Официант, еще две кружки.

— Он ни за что не расколется.

За окнами, желтые от солнца, катили фургоны

«Самаритен».[4] За ними, оглушительно названивая, поспевали длинные трамваи.

— Что собираетесь делать?

Мегрэ пожал плечами. Он и сам этого не знал. Его маленькие глазки неотрывно смотрели поверх уличной сутолоки и Сены на Дворец правосудия. Филипп поигрывал карандашом.

— Мне пора бежать, — вздохнул бригадир Люкас. — Занимаюсь сейчас одним парнем с улицы Сент-Антуан, поляком, выкинувшим кое-какие номера. Пробудете здесь до вечера?

— Вероятно.

Мегрэ тоже поднялся. Филипп занервничал:

— Я с вами?

— Лучше не надо. Возвращайся на Набережную. Встретимся здесь за завтраком.

Он сел в автобус и полчаса спустя уже поднимался к Фернанде. Открыла она не сразу, потому что спала. Комната была залита солнцем. Простыни на разобранной постели сверкали белизной.

— Уже? — удивилась Фернанда, запахивая на груди пижаму. — Заспалась я. Обождите минутку.

Она вышла в кухню, зажгла газ и, не умолкая

---

[4] Примечания: 4

Один из крупнейших парижских универмагов.

ни на секунду, налила в кастрюльку воды.

— Как вы велели, я пошла в «Табак». Меня там не опасаются, это заметно. Вам известно, что хозяин заведения одновременно содержит публичный дом в Авиньоне?

— Продолжай.

— Там был стол, за которым играли в белот. Я сделала вид, что впустую прошлялась весь вечер и здорово устала.

— Ты не заметила чернявого коротышку по имени Жозеф Одиа?

— Минутку… Один Жозеф там, во всяком случае, был. Он рассказывал, что провел вторую половину дня у судебного следователя. Но вы же знаете, как это бывает. Играют в карты. Белот! Двойной белот! Твой ход, Пьер… Потом кто-то что-то говорит… Кто-то отвечает из-за стойки… Хожу… Беру… Твой ход, Марсель… Хозяин тоже играл… Был там еще и негр. «Выпьешь чего-нибудь?» — спросил меня какой-то высокий брюнет, указав мне на соседний стул. Я не отказалась. Он дал мне заглянуть к нему в карты. «Во всяком случае, — продолжал тот, кого звали Жозефом, — по-моему, опасно припутывать сюда легавого. Завтра утром мне опять устроят с ним очную ставку. Мурло у него, правда, идиотское». Черви

козыри… Четыре картинки… — Фернанда спохватилась. — Выпьете со мной кофейку?

Запах кофе уже разлился по всем трем комнатам.

— Сами понимаете, я не могла тут же с ходу заговорить с ними о Кажо. Я спросила: «Вот так у вас каждый вечер?» — «Вроде», — отозвался мой сосед. — «И вы ничего не слышали прошлой ночью?»

Мегрэ снял пальто и шляпу и приоткрыл окно, дав уличному шуму ворваться в комнату.

— Отвечая, он как-то странно взглянул на меня, — продолжала Фернанда. — Я видела, что он распаляется. Играя, он поглаживал мое колено и пояснял: «Мы никогда ничего не слышим, понятно? Жозеф не в счет: он видел то, что должен был увидеть». Тут они все грохнули со смеху. Что мне оставалось делать? Отодвинуться я не могла. «Опять пики. Три картинки и белот!» — «Он все-таки занятный тип!» — вставил Жозеф, отхлебнув грога. Но тот, кто тискал меня, кашлянул и буркнул:«Лучше бы он поменьше шился с псами». Сечете?

Мегрэ отчетливо представил себе сцену. Он, пожалуй, мог бы повесить каждому на шею бирку с именем.

О том, что владелец «Табака» содержит бордель в Авиньоне, он знал. А высокий брюнет — это хозяин «Купидона» в Безье и еще одного заведения в Ниме. Что касается негра, то это оркестрант из джаза по соседству.

— Имена никакие не называли? — осведомился бывший комиссар у Фернанды, помешивавшей кофе.

— Имена — нет. Несколько раз помянули «нотариуса». Я подумала, что это Кажо. Он действительно смахивает на нотариуса, пошедшего по дурной дорожке. Но не торопитесь — я еще не кончила. Поесть, случаем, не хотите? Было уже наверняка три. Слышно было, как во «Флории» закрывают ставни. Мой сосед, продолжавший обжимать мне колено, начал меня нервировать. Тут открылась дверь, и вошел Кажо, поднес руку к шляпе, но не поздоровался ни с кем в отдельности. Никто не поднял головы. Чувствовалось, что все поглядывают на него исподлобья. Хозяин поспешил обратно за стойку. — «Дайка мне полдюжины вольтижеров [5] и коробок спичек», — бросил Нотариус. Коротышка Жозеф не шелохнулся, уставившись в свой стакан с грогом.

---

[5] Примечания: 5
Сорт сигар.

Кажо раскурил сигару, сунул остальные в карман пиджака, вытащил из бумажника банкноту. Слышно было, как муха пролетит. Надо сказать, наступившая тишина не смутила Кажо. Он повернулся, поочередно обвел всех спокойным холодным взглядом, опять поднес руку к шляпе и вышел.

Пока Фернанда макала свой хлеб с маслом в кофе, пижама на ней распахнулась, приоткрыв острую грудь.

Ей было, вероятно, лет двадцать семь-двадцать восемь, но тело оставалось девчоночьим, а едва оформившиеся соски — бледно-розовыми.

— Больше они ничего не сказали? — осведомился Мегрэ, непроизвольно подрегулировав газовую плитку, на которой уже запел кипятильник.

— Нет. Они посмотрели друг на друга. Обменялись взглядами. Хозяин со вздохом занял свое место за стойкой.

— Это все?

— Жозеф, казавшийся смущенным, объяснил: «Знаете, это вовсе не потому, что он такой гордый».

В это время дня улица Бланш выглядела почти провинциальной. Слышно было, как цокают копыта лошадей, везущих тяжелую телегу пи-

вовара.

— Остальные ухмыльнулись, — прибавила Фернанда. — Тот, кто облапил мое колено, проворчал: «Как же, как же, вовсе он не гордый! Только достаточно хитрый, чтобы всех нас попутать. Вот я и говорю: по мне, лучше бы не шлялся он каждый день на набережную Орфевр».

Фернанда, постаравшаяся ничего не упустить, завершила свой рассказ.

— Домой вернулась сразу же?

— Нельзя было.

Это, похоже, не понравилось Мегрэ.

— Нет, нет, — торопливо оговорилась она, — этого я сюда не приводила. Таким лучше не показывать, что у тебя тоже есть кое-что. А отпустил он меня только в пять.

Она встала и пошла подышать к окну.

— Как зовут…

Мегрэ озабоченно прошелся по комнате.

— Как зовут твоего клиента?

— Эженом. На портсигаре у него инициалы: две золотые буквы — «Э» и «Б».

— Сходишь еще раз в «Табак» нынче вечером?

— Раз надо.

— Займись, в первую голову, тем, кого зовут Жозефом, коротышкой, что навел полицию.

— Но он же не обратил на меня внимания.

— Я тебя не об этом прошу. Просто хорошенько запоминай все, что он скажет.

— А теперь, с вашего позволения, мне надо заняться хозяйством, — объявила Фернанда, повязывая голову косынкой.

Они пожали друг другу руки. Спускаясь по лестнице, Мегрэ не подозревал, что сегодня же ночью на Монмартре состоится облава и что главной целью агентов явится «Табак», и Фернанду они увезут в предвариловку.

Зато это знал Кажо.

— Мой долг — указать вам с полдюжины женщин, не соблюдающих установленный порядок, — распинался он в эту минуту перед начальником отдела охраны нравственности.

Первой угодить в полицейский фургон предстояло Фернанде.

Глава 4

Когда в номер постучали, Мегрэ, только что приведший себя в порядок, вытирал бритву. Было девять утра.

Он проснулся еще в восемь, но — что с ним случалось редко — долго лежал в постели, разглядывая косые лучи солнца и прислушиваясь к городским шумам.

— Войдите! — крикнул он, одним глотком допив кофе, стывший на дне чашки.

В номере послышались шаги Филиппа. Потом он заглянул в ванную.

— Доброе утро, малыш!

— Доброе утро, дядя!

Уже по голосу Мегрэ понял: дело плохо. Он застегнул рубашку и повернул голову к племяннику, у которого набрякли веки, а крылья носа опухли, как у заплаканного ребенка.

— Что случилось?

— Меня берут под стражу.

Филипп произнес это таким тоном и с таким видом, с каким мог бы объявить: «Через пять минут меня расстреляют».

Одновременно с этим заявлением он протянул дяде газету, где Мегрэ, продолжая одеваться, прочел:

> «Хотя инспектор Филипп Лауэр отрицает свою вину, следователь Гастамбид решил, кажется, взять его под стражу сегодня же утром».

— «Эксельсиор» поместил мою фотографию на первой полосе, — трагически добавил Филипп.

Дядя промолчал — говорить было, собственно, нечего. Со спущенными подтяжками, в шлепанцах, бывший комиссар расхаживал по залитому солнцем номеру, отыскивая трубку, табак и, наконец, спички.

— Заходил утром на службу?

— Нет, я прямо с улицы Дам. Пил кофе с рогаликом на бульваре Батиньоль и прочел газету.

Утро было неповторимое. Воздух свежий, солнце яркое, парижская сутолока напряженная и бурная, как неистовый танец. Мегрэ приоткрыл окно, и комната запульсировала в унисон с набережными, между которыми, слепя глаза, медленно катилась сверкающая Сена.

— Ну что ж, придется идти, мой мальчик. Что я могу тебе еще сказать?

Ему вовсе не хотелось распускать нюни над участью этого мальчишки, променявшего тенистую долину в Вогезах на коридоры уголовной полиции.

— Разумеется, там не то что дома — баловать не будут.

Мать Филиппа приходилась сестрой г-же Мегрэ, и этим было все сказано. Дом у них был не дом, а форменный инкубатор. «Филипп вот-вот вернется... Филиппа надо покормить... Поглажены ли рубашки Филиппа?..»

А разные лакомые блюда, кремы, домашние настойки! А веточки лаванды в бельевом шкафу!

— У меня для вас еще кое-что, — сказал Филипп, когда дядя прилаживал на место пристежной воротничок. — Нынче ночью я побывал во «Флории».

— Естественно.

— Почему естественно?

— Потому что я советовал тебе туда не ходить. Что ты еще учудил?

— Ничего. Просто поболтал с этой девушкой, Фернандой. Да вы ее знаете. Она дала мне понять, что работает на вас и должна выполнить какое-то ваше задание в табачной лавочке на углу улицы Дуэ. Я тоже уходил и машинально увязался за

нею: мне было как раз по дороге. Так вот, когда она вышла из «Табака», к ней прицепились инспектора из охраны нравственности и сунули ее в «воронок».

— Держу пари, ты вмешался.

Филипп потупился.

— Что они тебе ответили?

— Они, мол, знают, что делают.

— Ну, ступай, — вздохнул Мегрэ, ища галстук. — Да не очень расстраивайся.

Он сгреб племянника за плечи, расцеловал в обе щеки и, чтобы поскорей положить конец сцене, сделал вид, что страшно занят. И только когда дверь распахнулась и захлопнулась, он поднял голову, но тут же ссутулился и пробурчал нечто неразборчивое.

На набережной он первым делом купил в киоске «Эксельсиор» и взглянул на фотографию, действительно красовавшуюся на первой полосе с такой подтекстовкой: «*Инспектор Филипп Лауэр обвиняется в убийстве Пепито Палестрино, за которым ему было поручено наблюдать*».

Мегрэ медленно шел по Новому мосту. Накануне вечером он не заглянул во «Флорию», а бродил по улице Батиньоль, где квартировал Кажо. Это был доходный дом, построенный с

полвека назад, как большинство зданий в квартале. Коридор и лестница были плохо освещены, чувствовалось, что квартиры здесь темные и унылые, окна грязные, бархат, которым обита мебель, выцвел.

Квартира Кажо располагалась на антресольном этаже.

Сейчас она была пуста, и Мегрэ, войдя в дом с видом завсегдатая, поднялся аж до пятого этажа, после чего опять спустился вниз.

На двери Нотариуса стоял замок с секретом, в противном случае комиссар, пожалуй, поддался бы искушению.

Когда он проходил мимо швейцарской, привратница, прильнув лицом к стеклу, долго смотрела ему вслед.

Ну и что с того? Мегрэ прошел пешком чуть ли не через весь Париж, засунув руки в карманы и пережевывая все одни и те же мысли.

Где-то — в «Табаке улицы Фонтен» или в другом месте — окопалась шайка правонарушителей, преспокойно обделывающая свои противозаконные делишки.

В нее входили и Пепито, и Барнабе.

Кажо, истинный ее главарь, одного за другим убирает подельников — сам или чужими ру-

ками.

Словом, идут обычные разборки между своими. Полиция вряд ли стала бы ими заниматься, если бы не этот идиот Филипп…

Мегрэ направился на набережную Орфевр, где у входа с ним, не скрывая удивления, поздоровались два выходивших инспектора. Комиссар свернул в ворота, пересек двор и проследовал мимо отдела меблированных комнат.

Наверху было время доклада. В просторном коридоре группами толпилось с полсотни инспекторов, которые громко переговаривались, обмениваясь информацией и бумагами. Иногда дверь одного из кабинетов распахивалась, раздавалось чье-нибудь имя, и вызванный шел получать указания.

При появлении Мегрэ на несколько секунд воцарилось неловкое молчание. Но он раздвинул толпу с такой непринужденностью, что инспектора, спохватившись, тут же возобновили свои переговоры.

Справа виднелась обставленная красными бархатными креслами приемная начальника. В углу ожидал приема единственный посетитель — Филипп; подперев подбородок ладонью, он неподвижно смотрел в пространство.

Мегрэ двинулся в другую сторону, добрался до конца коридора, постучался в последнюю дверь.

— Войдите! — донеслось изнутри.

И все увидели, как Мегрэ, не сняв шляпы, прошествовал в кабинет комиссара Амадье.

— Добрый день, Мегрэ.

— Добрый день, Амадье.

Как в былые времена, когда они виделись каждое утро, оба дотронулись друг до друга кончиками пальцев. Амадье знаком отослал сидевшего в кабинете инспектора и осведомился:

— У вас ко мне разговор?

Мегрэ бесцеремонно присел на край стола, взял с него спички и разжег трубку.

Его коллега отодвинул свое кресло назад и откинулся в нем.

— Ну, как в деревне?

— Спасибо, хорошо. А что у вас?

— То же, что и всегда. Минут через пять мне к начальнику.

Притворившись, будто не понимает значения этих слов, Мегрэ неторопливо расстегнул пальто. Держался он так, словно находился у себя: он и в самом деле десять лет проработал в этом кабинете.

— Расстроились из-за племянника? — перешел

в атаку Амадье, не в силах дольше молчать. — Должен признаться, я огорчен еще больше: голову-то мылят мне. К сожалению, дело зашло слишком далеко. Сам министр направил служебную записку нашему начальнику. Словом, теперь мне остается лишь помалкивать. Все перешло в руки следователя. Гастамбид, по-моему, появился еще при вас?

Зазвонил телефон. Амадье поднес трубку к уху и заюлил:

— Да, господин начальник… Слушаюсь, господин начальник… Я сейчас не один… Да… Так точно.

Мегрэ знал, о чем идет речь. На другом конце коридора Филиппа ввели к начальнику.

— У вас что-нибудь ко мне? — поинтересовался Амадье, вставая. — Вы же слышали: меня вызывает начальник.

— Несколько мелких вопросов. Во-первых, известно ли было Кажо, что Пепито вот-вот возьмут?

— Не знаю. К тому же не понимаю, почему это так важно.

— Извините, я знаком с Кажо. Я знаю, какую роль он играет в «конторе». Знаю также, что иногда при осведомителях откровенничают. Был ли

он здесь дня за два-три до убийства?

— По-моему, был. Да, припоминаю.

— Второй вопрос. Известен ли вам адрес Жозефа Одиа, официанта из кафе, проходившего по улице Фонтен как раз вовремя, чтобы успеть столкнуться с Филиппом.

— Он ночует в гостинице на улице Лепик, если не ошибаюсь.

— Вы хорошо проверили алиби Кажо?

Амадье изобразил улыбку.

— Послушайте, Мегрэ, я все-таки знаю свое ремесло.

Но это был еще не конец. Мегрэ углядел на письменном столе желтую картонную папку со штампом отдела охраны нравственности.

— Это уже донесение о задержании Фернанды Боске?

Амадье отвел глаза, вероятно прикидывая, стоит ли объясняться начистоту, но он уже взялся за дверную ручку и поэтому ограничился вопросом:

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что Кажо добился задержания этой девушки отделом охраны нравственности. Где она сейчас?

— Не знаю.

— Позволите мне заглянуть в дело?

Отказать было трудно. Мегрэ наклонился, прочел несколько строк и сказал:

— Сейчас она, должно быть, в антропометрии.

Вновь зазвонил телефон. Амадье сделал нетерпеливый жест.

— Извините, но…

— Знаю: вас ждет начальник.

Мегрэ застегнул пальто и вышел из кабинета одновременно с Амадье. Но не свернул на лестницу, а дошел вместе с ним до приемной с красными креслами.

Мегрэ толкнул обитую дверь.

— Спросите, пожалуйста, шефа, не примет ли он меня.

Служитель, а затем Амадье исчезли в кабинете начальника уголовной полиции, куда до них ввели Филиппа. Мегрэ ждал, стоя со шляпой в руке.

— Начальник очень занят и просит вас зайти во второй половине дня.

Мегрэ повернулся кругом, вновь прошел через толпу инспекторов. Лицо его чуть посуровело, но он считал нужным улыбаться и улыбался невеселой улыбкой.

Он не вышел на улицу, а углубился в узкие коридоры, откуда извилистые лестницы вели на

чердак Дворца правосудия. Добрался наконец до антропометрической службы и распахнул дверь. Осмотр женщин уже закончился. В помещении, выкрашенном в серый цвет, укладывая как попало одежду на скамьи, раздевалось с полсотни задержанных ночью мужчин.

Раздевшись, они поочередно проходили в соседнюю комнату, где сотрудники в черных халатах брали у них отпечатки пальцев, сажали на антропометрический стул и громко объявляли результаты измерений, как продавцы в универмаге криком сообщают кассиру о выручке.

Здесь разило потом и грязью. Большинство мужчин, обалдев от стыда за собственную наготу, покорно давали гонять себя из угла в угол и тем более неловко выполняли распоряжения персонала, что зачастую не знали по-французски.

Мегрэ сердечно пожимал руки служащим, выслушивая неизбежное:

— Приехали встряхнуться? Как там в деревне? Хорошо? А уж в такую погоду, наверно, просто великолепно.

Комнатушку фотографа освещал холодный свет неоновой лампы.

— Много прошло женщин за утро?

— Семь.

— Учетные карточки у вас?

Карточки валялись на столе — их еще не классифицировали. Третьей была Фернанда: пять пальцевых отпечатков, неумелая подпись, жестоко реалистический словесный портрет.

— Она ничего не сказала? Не плакала?

— Нет. Вела себя очень послушно.

— Знаете, где она сейчас?

— Мне неизвестно, выпустили ее или продержат день-другой в Сен-Лазаре.

Взгляд Мегрэ обежал голых мужчин, стоявших шеренгой, как в казарме. Он поднес руку к шляпе и попрощался:

— До свиданья.

— Уже уходите?

Мегрэ проследовал по лестнице, где не было ни одной ступеньки, на которую тысячу раз не ступала бы его нога.

Другая лестница, еще более узкая, чем первая, вела в лабораторию, где ему были знакомы малейшие закоулки, самые неприметные колбы.

Потом он вновь очутился на третьем этаже, откуда схлынула толпа инспекторов. У дверей начали рассаживаться посетители: одних вызвали, другие явились с жалобами сами, третьи имели что-то сообщить.

Мегрэ провел в этой атмосфере большую часть жизни, но сегодня, неожиданно для себя, он оглядывался вокруг с чувством, похожим на отвращение.

Неужели Филипп все еще в кабинете начальника?

Вероятно, нет. Сейчас он уже взят под стражу, и двое бывших коллег препроводили его к следователю.

Что наговорили ему за обитой дверью? Достало ли у начальства искренности без обиняков заявить:

— Вы допустили неосторожность. Против вас столько улик, что общественность не поймет, почему вы до сих пор на свободе. Но мы воспользуемся вами, чтобы докопаться до правды. Вы останетесь одним из наших.

Нет, этого ему наверняка не сказали. Мегрэ чудилось, что он слышит, как начальник полиции, нехотя помогая Амадье, выдавливает между двумя приступами притворного кашля:

— Инспектор, у меня действительно нет оснований радоваться вашему поступлению к нам на службу. Благодаря протекции вашего дяди оно далось вам легче, чем кому бы то ни было. Оказались ли вы достойны такой чести?

Амадье подвинчивает гайку еще крепче:

— С этого момента вы передаетесь в руки следователя. При самых благих намерениях мы ничего не можем для вас сделать.

А ведь этот Амадье с его длинным бледным лицом и каштановыми усами, которые он беспрерывно подкручивает, человек не злой. Но у него жена и трое детей, в том числе дочь, а значит, необходимо позаботиться о приданом.

Ему вечно мерещится, что все вокруг в заговоре против него. Он убежден, что каждый зарится на занимаемую им должность и думает лишь об одном: как бы его подсидеть.

Что касается начальника уголовной полиции, ему осталось два года до предельного возраста, и до тех пор он будет избегать осложнений.

Происшествие представляло собой банальную уголовную историю, то есть не выходило за рамки текучки. Кому же охота рисковать и нарываться на неприятности ради того, чтобы прикрыть оступившегося молодого инспектора, который, к тому же, приходится племянником Мегрэ?

Что Кажо — гадина, знают все. Он и сам этого не скрывает. Не брезгует никакой поживой. И когда продает кого-нибудь полиции, это означает, что человек перестал быть ему полезен.

Вот только гадина он опасная. У него приятели, связи. Особенно ловок он в защите. Конечно, в свой день и час он тоже накроется. С него давно уже не спускают глаз. Проверили даже его алиби. И вообще, следствие ведется честно.

Но кому нужно чрезмерное рвение? И особенно этот Мегрэ с его манией соваться куда не просят!

Бывший комиссар добрался до плохо вымощенного дворика перед судом по делам несовершеннолетних, где ждали совсем уж убого одетые люди. Несмотря на солнечную погоду, здесь было свежо и в тени, между булыжниками, еще поблескивал иней.

— Ох уж этот кретин Филипп! — проворчал Мегрэ, которого начинало мутить при одной мысли о происходящем.

Он отчетливо сознавал, что ходит по кругу, как цирковая лошадь. Дело шло не о том, чтобы додуматься до чего-то гениального: в делах, связанных с полицией, от гениальных мыслей проку мало. Речь также не шла и о том, чтоб найти неожиданный след или не замеченную никем улику.

Все было проще и грубее. Кажо убил или приказал убить Пепито.

Требовалось одно — заставить Кажо наконец признать: «Это правда».

Теперь Мегрэ бродил по набережным неподалеку от плавучей прачечной. Он не имел права вызвать Нотариуса в кабинет и продержать там несколько часов, сто раз повторяя один и тот же вопрос, а при нужде и поприжать так, чтобы сдали нервы.

Не мог он также вызвать официанта из кафе, хозяина «Табака» и прочих, кто каждый вечер играл в белот в ста метрах от «Флории».

Стоило ему прибегнуть к услугам Фернанды, как ее буквально увели у него из-под носа.

Он добрался до пивной «У Нового моста», распахнул застекленную дверь, пожал руку Люкасу, сидевшему у стойки.

— Как дела, шеф?

Люкас по-прежнему именовал его так в память о временах совместной работы.

— Плохо! — выпалил Мегрэ.

— Трудно, правда?

Нет, это было не трудно, а трагично, хотя и мелко.

— Старею. А может, деревня расхолаживает.

— Что будете пить?

— Перно, разумеется.

Мегрэ сказал это так, словно бросал вызов. Он вспомнил, что обещал жене написать, но до сих

пор не собрался с духом.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Люкас был занятный человек: всегда скверно одет, к тому же плохо сложен, ни жены, ни семьи. Мегрэ блуждал глазами по залу, который постепенно наполнялся, а когда он повернулся к залитому солнцем окну, ему пришлось прищуриться.

— Ты уже работал с Филиппом?

— Несколько раз.

— С ним действительно неприятно?

— Есть такие, что злятся на него: он не очень-то разговорчив. Он, знаете ли, из робких. Его взяли?

— Твое здоровье.

Люкаса встревожила непривычная замкнутость Мегрэ.

— Что вы намерены делать, шеф?

— Тебе могу сказать. Я сделаю все, что будет нужно, ясно? И тогда, если что-нибудь стрясется…

Он утер рот тыльной стороной руки и постучал монетой по столу, подзывая официанта.

— Оставьте. Сегодня плачу я.

— Как хочешь. Мой черед будет, когда все закончится. До свиданья, Люкас.

— До свиданья, шеф.

Рука Люкаса на секунду задержалась в шершавой ладони Мегрэ.

— Будьте все-таки поосторожней, ладно?

— Ненавижу трусов! — громыхнул Мегрэ с высоты своего роста.

Ушел он один, пешком. Времени у него хватало: он даже не знал, куда направится.

Глава 5

Когда в половине второго Мегрэ распахнул дверь «Табака улицы Фонтен», только что вставший с постели хозяин бара неторопливо спускался по винтовой лестнице, начинавшейся во втором зале, позади главного.

Он был пониже комиссара, но так же плотен и широкоплеч. От него пахло свежестью, волосы у него были обрызганы одеколоном, на мочках ушей виднелись следы талька. Он был без пиджака и воротничка.

Слегка подкрахмаленная рубашка, застегнутая на откидную запонку, сияла белизной.

Зайдя за стойку, он небрежным жестом отодвинул официанта, взял бутылку белого, смешал вино с минералкой и, запрокинув голову, прополоскал горло.

В это время дня в баре не бывало никого, кроме случайных посетителей, забегавших выпить наспех чашку кофе.

Мегрэ одиноко сидел у окна, но хозяин, не обратив на него внимания, надел синий фартук и повернулся к блондинке, которая вела кассу и

торговала куревом.

С ней он выказал себя не более словоохотливым, чем с официантом; отпер денежный ящик кассы, заглянул в блокнот и потянулся, теперь уже окончательно проснувшись. День его начался, и первым, кого он наконец увидел, обозревая свои владения, оказался Мегрэ, благодушно поглядывавший на него.

Они никогда не встречались. Тем не менее хозяин нахмурил густые черные брови. Заметно было, что он роется в памяти, но припомнить ничего не может, и это портит ему настроение. Однако он еще не предвидел, что присутствие этого благодушного клиента продлится целых двенадцать часов!

Первым делом Мегрэ направился к кассе и осведомился у девушки:

— Найдется телефонный жетон?

Кабина располагалась в правом углу кафе. Она отделялась от зала лишь дверью с матовым стеклом, и Мегрэ, чувствуя, что хозяин насторожился, набрал номер.

Одновременно с этим, зажав в другой руке перочинный нож, он перерезал провод там, где тот уходил под пол, но постарался сам обрыв сделать незаметным.

— Алло!.. Алло!.. — надсаживался он.

Из кабины комиссар вышел с раздосадованным видом.

— У вас что, аппарат неисправен?

Хозяин глянул на кассиршу, та удивилась:

— Да нет, работал всего несколько минут назад. Люсьен как раз заказывал рогалики. Верно, Люсьен?

— Четверти часа не прошло, — подтвердил официант.

Хозяин еще ничего не заподозрил, но все же то и дело исподлобья посматривал на Мегрэ. Зашел в кабину сам, попробовал куда-то дозвониться и добрых минут десять упорствовал в своем намерении, так и не заметив, что провод перерезан.

Мегрэ невозмутимо вернулся на свое место и заказал кружку пива. Он запасался терпением. Заранее зная, что ему придется просидеть долгие часы на этом стуле перед столиком, имитирующим красное дерево, он равнодушно смотрел на обитую оцинкованным железом стойку бара и застекленную кассу, где юная девица продавала табак и сигареты.

Выйдя из кабины, хозяин захлопнул ногой дверь, встал на пороге кафе и с минуту дышал воздухом улицы. Он был совсем рядом с Мегрэ,

который следил за ним; почувствовав наконец на себе чужой взгляд, хозяин круто обернулся.

Комиссар даже бровью не повел. Как любой случайный клиент, он не снял ни пальто, ни шляпы.

— Люсьен, слетай-ка по соседству, позвони, чтоб починили аппарат.

Официант с грязной салфеткой на руке выскочил на улицу, а хозяин самолично обслужил двух вошедших каменщиков, смахивающих под почти равномерным слоем известки на клоунов.

Сомнения содержателя бистро длились еще минут десять.

Когда Люсьен доложил, что монтер появится только на следующий день, хозяин вновь повернулся к Мегрэ.

— Сволочь!

Ругательство могло относиться и к отсутствующему монтеру, но основной запал был тем не менее адресован клиенту, в котором содержатель заведения распознал наконец полицейского.

Было половина третьего, и с этого момента начался пролог нескончаемой комедии, которой никто не замечал. Хозяина звали Луи. Знакомые клиенты пожимали ему руку, перекидывались с ним несколькими словами.

Сам Луи обслуживал их редко. Время он, в основном, проводил за стойкой, посередине между официантом и юной продавщицей сигарет.

Поверх голов он наблюдал за Мегрэ, стесняясь не больше, чем стеснялся тот. Это выглядело даже забавно, потому что оба противника были толстые, грузные, крупные, и играли они в «кто первый скиснет».

Оба были также отнюдь не глупы. Луи отлично сознавал, что делает, когда время от времени поглядывал на застекленную входную дверь, явно побаиваясь, что вот-вот кто-то появится.

В этот час улица Фонтен жила банальной жизнью заурядной парижской улицы. Против бара помещалась итальянская бакалейная лавка, куда стекались за покупками окрестные домохозяйки.

— Официант, один кальвадос. [6]

Рыхлая блондинка-кассирша смотрела на Мегрэ с возрастающим удивлением. Что до официанта, он, почуяв неладное, старался при случае подмигнуть хозяину.

Было чуть больше трех, когда у тротуара оста-

---

[6] Примечания: 6

Яблочный или грушевый бренди, получаемый путём перегонки сидра, из французского региона Нижняя Нормандия. Крепость — около 40% об.

новилась большая светлая машина. Высокий, еще молодой брюнет со шрамом на щеке вылез из нее, вошел в бар, протянул руку через стойку.

— Привет, Луи.

— Привет, Эжен.

Мегрэ видел лицо Луи прямо перед собой, а новоприбывшего — в зеркале.

— Мятный ликер с водой, Люсьен. Да поживей.

Это был один из игроков в бел от и, без сомнения, содержатель борделя в Безьере, о котором упоминала Фернанда. Белье он носил шелковое, костюм хорошего покроя. От него слегка попахивало духами.

— Видел ты…

Он недоговорил. Люсьен дал ему понять, что их слушают, и Эжен внезапно тоже посмотрел на отражение Мегрэ в зеркале.

— Гм!.. Сифон со льдом, Люсьен.

Эжен вытащил сигарету из портсигара с монограммой, прикурил от зажигалки.

— Классная погодка, а? — иронически бросил хозяин, по-прежнему наблюдая за Мегрэ.

— Да, хороша. Только вот странно у тебя тут пахнет.

— Чем это еще?

— Жареным.

Оба грохнули со смеху, а Мегрэ лениво затянулся трубкой.

— До скорого? — спросил Эжен, вновь протягивая руку.

Он хотел знать, соберутся ли они сегодня, как обычно.

— До скорого.

Разговор подстегнул Луи: он схватил грязную тряпку и с ухмылкой приблизился к Мегрэ.

— Вы позволите?

Луи вытер столик так неловко, что опрокинул стопку, содержимое которой вылилось комиссару на брюки.

— Люсьен, принеси этому господину еще одну порцию.

И извиняющимся тоном он добавил:

— Бесплатно.

Мегрэ неопределенно ухмыльнулся.

В пять зажгли лампы, но на улице было еще достаточно светло, чтобы разглядеть клиента в тот момент, когда он пересекал тротуар и брался за дверную ручку.

Когда появился Жозеф Одиа, Мегрэ и Луи, словно сговорившись, переглянулись, и между ними возник контакт, похожий на тот, что складывается после долгих взаимных признаний. Ни о

«Флории», ни о Пепито, ни о Кажо говорить не было нужды.

Мегрэ все знал, и Луи знал, что комиссар все знает.

— Привет, Луи!

Одиа был маленький человечек весь в черном, с носом чуточку на сторону и бегающими глазками. Подойдя к стойке, он протянул кассирше руку и поздоровался:

— Добрый вечер, прелестное дитя.

И добавил, обращаясь к Люсьену:

— Рюмку перно, молодой человек.

Говорил он много, постоянно напоминая собой актера на сцене, но Мегрэ не потребовалось долго его изучать, чтобы угадать за этой видимостью внутреннюю тревогу.

К тому же, у Одиа был тик. Как только с губ его стиралась улыбка, он делал над собой усилие и восстанавливал ее.

— Еще никого?

Кафе было пусто, лишь у бара торчали два клиента.

— Заезжал Эжен.

Хозяин повторил уже разыгранную сцену, указав Одиа на комиссара. Коротышка, менее дипломатичный, чем Эжен, живо обернулся,

посмотрел Мегрэ в глаза, сплюнул на пол.

— А кроме этого?.. — поинтересовался он.

— Больше никого… Выиграл?

— Черта с два! Мне подсунули ложные сведения. А в третьем заезде, где у меня были шансы, лошадь дала сбой еще на старте… Пачку «Голуаз», прелестное дитя.

Он ни секунды не оставался в покое, переминался с ноги на ногу, размахивал руками, мотал головой.

— Можно позвонить?

— Нельзя. Вон тот господин испортил аппарат.

Луи опять глянул на Мегрэ.

Схватка шла в открытую. Одиа чувствовал себя неуверенно. Боялся дать маху: он же не знал, что тут происходило до его появления.

— Увидимся вечером?

— Как всегда.

Бывший официант выпил свой перно и ушел. Луи устроился рядом с Мегрэ за столиком, куда ему подали горячую еду, приготовленную Люсьеном на газу в кухне.

— Официант! — позвал комиссар.

— Вот. Девять франков шестьдесят пять.

— Принесите два сандвича с ветчиной и кружку пива.

Луи уплетал две аппетитные сосиски с гарниром из подогретой кислой капусты.

— У нас осталась ветчина, месье Луи?

— Должен быть кусок старого окорока на леднике.

Ел Мегрэ шумно, намеренно вульгарно. Ему подали два сухих, покоробившихся сандвича, но он сделал вид, что не заметил этого.

— Официант, горчицы!

— Горчицы нет.

Два следующих часа промелькнули быстрее, потому что бар заполнили прохожие, заказывавшие аперитив.

Хозяин снизошел до того, что стал обслуживать сам.

Дверь непрерывно хлопала, всякий раз обдавая Мегрэ холодным сквозняком.

Подмораживало. Некоторое время проходившие мимо автобусы были переполнены. Люди висели на подножках.

Затем улица постепенно опустела. После шума, всегда оглушительного около семи часов, наступила неожиданная тишина, предвестница совершенно иного — вечернего — оживления.

Самым трудным часом оказался девятый. В баре не осталось ни души. Официант, в свой черед,

сел подкрепиться. Блондинку-кассиршу сменила женщина лет сорока, принявшаяся сортировать и выкладывать столбиками содержимое ящичков кассы. Луи поднялся к себе в спальню и вернулся уже при галстуке и в пиджаке.

Первым в самом начале десятого появился Жозеф Одиа, отыскал глазами Мегрэ и направился к Луи.

— Порядок?

— Порядок. Нет никаких причин считать иначе, верно?

Однако Луи утратил дневную развязность. Он устал и уже не взирал на Мегрэ с прежней самоуверенностью. Да и самого Мегрэ слегка сморило. Пить ему пришлось что попало — пиво, кофе, кальвадос, виттель.[7] На столике уже громоздились не то семь, не то восемь блюдечек [8], а ведь пить предстояло еще и еще.

— Гляди-ка! Вот и Эжен с приятелем.

У тротуара вновь остановилась голубая машина, и в бар вошли двое мужчин. Первым был Эжен, в том же костюме, что днем; вторым — парень

---

[7] Примечания: 7

Сорт минеральной воды.

[8] Примечания: 8

Во Франции каждую порцию выпивки подают на отдельном блюдце, что упрощает подсчет при расплате.

помоложе, чуточку рябой и всем улыбавшийся.

— А где Оскар?

— Придет.

Эжен мигнул, указывая на Мегрэ, сдвинул два столика и сам достал сперва красное сукно, потом жетоны из ящичка.

— Начнем?

В общем, комедию ломали все, но главные роли исполняли хозяин и Эжен. Особенно второй — он и явился-то в полной боевой готовности. Зубы у него были ослепительные, веселость непритворная, и женщины, без сомнения, сходили по нему с ума.

— По крайней мере, сегодня вечером будет светло! — выпалил он.

— Почему? — поинтересовался Одиа, до которого с этой минуты все стало доходить гораздо медленнее, чем до остальных.

— Потому что у нас здоровенная сальная свеча!

Под сальной свечой подразумевался Мегрэ, дымивший трубкой менее чем в метре от игроков.

Луи ритуальным жестом взял грифельную доску и мелок: ему доводилось записывать очки. Он разграфил столбцы, надписал инициалы игроков.

— Что будете пить? — осведомился официант.

Эжен прищурился, посмотрел на стопку кальвадоса, стоявшую перед Мегрэ, и ответил:

— То же, что этот господин.

— Виттель с земляничным сиропом, — поправил его Одиа, чувствовавший себя не в своей тарелке.

Четвертый, судя по выговору, был марселец, совсем недавно перебравшийся в Париж. Он старался во всем копировать Эжена, к которому, видимо, питал безграничное почтение.

— Скажи, Луи, охота еще не закрыта?

На этот раз не понял Луи.

— А мне откуда знать? Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что думаю об ищейках.

Словечко снова было адресовано Мегрэ. Тем временем карты сдали, и каждый держал свои веером в левой руке; поэтому Эжен не стал входить в объяснения:

— Сейчас пойду навещу месье.

Перевести это следовало так: «Пойду предупрежу Кажо».

Одиа вскинул голову.

— Что он говорит?

Луи нахмурился: он явно счел, что они зашли

слишком далеко.

— Эжен шутит. Видит, что вокруг все свои, вот и потешается.

— Бубны козыри… Три картинки… Годится?

— Четвертая.

Чувствовалось, что Эжен слишком возбужден и думает не об игре, а готовит какую-то новую выходку.

— Парижане, — внезапно возвысил он голос, — проводят отпуск за городом, например, на Луаре. Забавно, что люди с Луары проводят свой в Париже.

Наконец-то! Эжен не устоял-таки перед желанием дать Мегрэ понять, что он полностью в курсе. А комиссар покуривал трубку и, перед тем как в очередной раз отхлебнуть кальвадоса, долго грел стопку в руке.

— Следи лучше за игрой, — обрезал его Луи, с тревогой поглядывавший на Мегрэ.

— Козырь… Двадцать. И все: белот.

Вошел субъект, похожий на мелкого лавочника с Монмартра, молча сел между Эженом и его приятелем-марсельцем, правда, чуть поодаль от них и, по-прежнему не говоря ни слова, пожал всем руки.

— Порядок? — осведомился Луи.

Новоприбывший раскрыл рот, откуда вырвался тоненький звук. Незнакомец оказался безголосым.

— Порядок.

— Усек? — прокричал Эжен ему в ухо. Это доказывало, что человек к тому же и глух.

Пришлось чуть ли не отдавить ему под столом ногу.

Наконец взгляд его упал на Мегрэ и на минуту задержался на нем. Бедняга изобразил подобие улыбки.

— Понятно.

— Козыри трефы. Я пас.

— Я тоже.

Улица Фонтен вновь ожила. Загорелись цветные вывески, швейцары заняли свои места на тротуарах. Швейцар из «Флории» зашел купить сигарет, но на него не обратили внимания.

— Черви козыри…

Мегрэ вспотел, тело у него ныло, но он не подавал виду, и выражение его лица оставалось таким же, как в половине второго, когда он занял свой пост.

— Скажи-ка, — неожиданно бросил Эжен своему глуховатому соседу, в котором Мегрэ в конце концов узнал владельца публичного дома на

Прованской улице, — как ты назовешь слесаря, который больше не изготовляет замков.

Комизм ситуации заключался в том, что Эжену приходилось орать, тогда как собеседник отвечал ему детским голоском.

— Какой слесарь? Ничего не понимаю.

— Я, например, считаю такого пустым местом.

Эжен сделал ход, прибрал взятку, снова сыграл.

— А легавого, который перестал быть легавым?

Сосед понял. Лицо его расцвело от радости, голосок, ставший еще более писклявым, пропел:

— Пустым местом.

Тут уж все покатились с хохоту, даже Одиа, но этот мгновенно осекся: что-то мешало ему разделить общее веселье. Чувствовалось, что, несмотря на присутствие приятелей, он чего-то побаивается. И не только Мегрэ.

— Леон! — подозвал Одиа ночного официанта. — Принеси мне коньяку с водой.

— Никак ты на коньяк переключился?

Эжен, заметив, что Одиа скисает, сурово уставился на него.

— Тебе лучше бы не перебирать.

— Чего не перебирать?

— Сколько перно ты принял до обеда?

— Пошел ты!.. — огрызнулся Одиа.

— Полегче, ребята! — вмешался Луи. — Пики козыри.

К полуночи веселье окончательно выдохлось. Мегрэ по-прежнему сидел в пальто и с трубкой в зубах. Казалось, он стал частью меблировки. Больше того, врос в стену. Живым оставался только его взгляд, переходивший с одного игрока на другого.

Первым забастовал Одиа, но глухой тоже проявлял признаки нетерпения и в конце концов встал.

— Пора спать. Завтра мне на похороны.

— Катись и поскорей подохни! — вполголоса буркнул Эжен, уверенный, что коротышка не услышит его.

Он бравировал и сам сознавал это.

— Снова бел от… И козырь… И еще козырь… Карты на стол.

Невзирая на осуждающие взгляды приятелей, Одиа выпил три коньяка с водой, черты его заострились, он побледнел, на лбу выступил пот.

— Куда ты?

— Я тоже удираю, — объявил он, поднимаясь.

Его мутило — это было видно. Третью порцию

он принял, чтобы взвинтиться, а она его и добила. Луи переглянулся с Эженом.

— Ты сейчас как выжатый лимон, — уронил наконец последний.

Было начало второго. Мегрэ заранее положил деньги на столик. Эжен отвел Одиа в угол и что-то втолковывал ему тихо, но яростно. Одиа возражал, но тем не менее дал себя убедить.

— До завтра! — простился он, поворачивая дверную ручку.

— Официант, сколько с меня?

Одно об другое звенели блюдца. Мегрэ застегнул пальто, снова набил трубку и раскурил ее от газовой зажигалки, подведенной почти к самой стойке.

— Доброй ночи, господа.

Мегрэ вышел и сориентировался по звуку шагов Одиа.

А Эжен обогнул стойку, словно для того, чтобы сказать два слова хозяину. Луи, поняв его маневр, осторожно открыл один из ящиков. Эжен запустил туда руку, затем сунул ее в карман и в сопровождении марсельца направился к дверям.

Глава 6

На улице Фонтен сверкали огни ночных кабаков, расхаживали швейцары, в машинах дожидались шоферы. Ситуация прояснилась лишь за площадью Бланш, когда оба взяли вправо на бульвар Рошешуар.

Жозеф Одиа шел неровной лихорадочной походкой, ни разу не оглянувшись.

Мегрэ, огромный, с руками, засунутыми в карманы, невозмутимо двигался размашистым шагом метрах в двадцати сзади.

В ночном безмолвии шаги обоих как бы перекликались: более частые — Одиа, более тяжелые и уверенные — Мегрэ.

За их спиной шумела машина Эжена. Они с марсельцем сели в автомобиль и медленно, со скоростью пешехода, вели его впритык к тротуару, в свой черед стараясь соблюдать дистанцию. Иногда для сохранения ее им приходилось переключать скорость, иногда делать неожиданный рывок в несколько метров, а потом выжидать, давая обоим мужчинам снова обогнать их.

Мегрэ не было нужды оборачиваться. Он давно

уже все понял. Он знал, что за спиной у него большой голубой автомобиль. Представлял себе лица за ветровым стеклом.

Случай был классический. Комиссар последовал за Одиа, поскольку у него сложилось впечатление, что того легче запугать, чем остальных. А те двое, зная это, в свой черед преследовали его самого.

Сперва Мегрэ чуть заметно улыбался.

Потом он уже не улыбался. Напротив, даже нахмурился. Официант из кафе не направился ни на улицу Лепик, где жил, ни, вообще, к центру. Он все время следовал по бульвару, не остановился на перекрестке Барбес, а повернул к Ла-Шапель.[9]

Было маловероятно, чтобы у Одиа нашлось какое-нибудь дело в этом квартале в такое время суток. Объяснение напрашивалось само собой. По сговору с двумя молодыми людьми в машине он завлекал комиссара во все более пустынный район.

Уже все дальше, все реже выступали из тени фигуры девиц или расплывчатый контур араба, шныряющего от одной к другой, прежде чем

---

[9] Примечания: 9

Бульвар, улица и огромная церковь Сен-Бернар-де-ла-Шапель.Бульвар, улица и огромная церковь Сен-Бернар-де-ла-Шапель.

сделать выбор.

Заволновался, однако, Мегрэ не сразу. Он пока сохранял уверенность. Спокойно затягивался трубкой, прислушивался к собственным шагам, равномерным, как щелчки метронома.

Они проследовали над железнодорожными путями Северного вокзала, безлюдные перроны и светящиеся часы которого были заметны издалека. Пробило половину третьего. Позади все так же шелестела машина, как вдруг в гул ее мотора вплелся короткий гудок, давать который не было никаких оснований. И тут Одиа прибавил шагу, да так энергично, что казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не побежать.

Опять-таки без видимой причины официант из кафе пересек улицу. Мегрэ — тоже. На секунду он повернулся к машине в профиль и тотчас интуитивно почуял, что за ловушка ему готовится.

Из-за надземной линии метро бульвар был самым плохо освещенным местом Парижа. Мимо проехал полицейский велопатруль, один из агентов оглянулся на автомобиль, не заметил ничего подозрительного и скрылся вместе с коллегами.

Темп событий ускорился. Метров через сто Жозеф Одиа снова пересек улицу, но на этот раз утратил хладнокровие и несколько шагов про-

бежал.

Мегрэ остановился, увидел, что машина вот-вот рванется вперед, и все понял. На висках у него проступил пот: он лишь чудом не стал жертвой дорожного происшествия.

Это же очевидно! Одиа поручено завлечь его на безлюдные улицы. А уж там стоит Мегрэ очутиться на проезжей части, автомобиль ринется вперед и размажет его по мостовой.

Все разом стало похоже на кошмар — и эта роскошная, обтекаемая машина, которая, негромко рыча, гонится за ним, и мысль о двух ее седоках, особенно об Эжене, человеке с ослепительными зубами и улыбкой избалованного ребенка, вцепившемся в баранку и выжидающем только…

Можно ли будет в данном случае говорить о преступлении? С секунды на секунду Мегрэ рисковал умереть самой нелепой и отталкивающей смертью — рухнуть в пыль израненным телом и — почем знать? — может быть, еще долгие часы хрипеть в предсмертной агонии, но так и не дождаться помощи.

Бить отбой было поздно. Да Мегрэ этого и не хотел.

Он не рассчитывал больше на Одиа, не надеялся нагнать его и заставить говорить, но тем не

менее упрямо продолжал преследование. Это был вопрос престижа, вопрос самоуважения.

Единственная мера предосторожности, которую принял комиссар, свелась к тому, что он вытащил из кармана револьвер и зарядил его.

Потом прибавил шагу. Раньше он следовал за официантом из кафе на интервале метров в двадцать, но теперь приблизился к нему настолько, что Одиа решил — сейчас его арестуют, и, в свою очередь, зашагал быстрее. Оба седока в машине наверняка заметили это, потому что также сократили дистанцию. Несколько секунд сцена выглядела слегка комичной.

Навстречу им двигались деревья бульвара и опоры надземной линии метро. Одиа боялся — боялся не только самого Мегрэ, но, вероятно, и своих сообщников.

Когда новый гудок предписал ему пересечь улицу, он, задохнувшись, замер на краю тротуара.

Мегрэ, решивший держаться как можно ближе к нему, увидел фары машины, мягкую шляпу, слетевшую с официанта из кафе, его обезумевшие глаза.

Он уже собирался сойти с тротуара и двинуться вслед за Одиа, как вдруг инстинктивно отпрянул. Возможно, то же сделал и официант из кафе, но

того осенило слишком поздно: он уже спустился на мостовую. Прошел метр, другой…

Мегрэ разинул рот, пытаясь крикнуть. Он понимал, что пассажиры автомобиля, устав от бесплодных попыток, решили рвануться вперед и пожертвовать не только комиссаром полиции, но и своим товарищем.

Не раздалось даже крика — только движение воздуха, взвихренного работающим на полную мощность мотором. И еще глухой удар да, пожалуй, слабый стон.

Стоп-сигналы машины уже потухли, исчезая в поперечной улице. На мостовой корчился человечек в черном, пытаясь приподняться на руках и не сводя с Мегрэ ошалелых глаз.

Одиа походил не то на сумасшедшего, не то на ребенка. Лицо у него было перепачкано пылью и кровью. Нос утратил прежнюю форму, отчего вся внешность совершенно изменилась.

Наконец он все-таки сел, еле-еле, словно сонный, приподнял руку, поднес ее ко лбу и изобразил улыбку, смахивавшую на гримасу.

Мегрэ пересадил пострадавшего на край тротуара, машинально сходил за его шляпой, оставшейся на середине мостовой, а потом и сам несколько секунд приводил себя в равновесие,

хотя машина не задела его.

Прохожих было не видно. Где-то очень далеко, в стороне бульвара Барбеа, проехало такси.

— Повезло тебе, однако! — громыхнул комиссар, склоняясь над раненым.

Большими пальцами он медленно ощупал Одиа голову, выясняя, не проломлен ли череп. Поочередно согнул ему ноги, потому что правая штанина на уровне колена была изодрана, а вернее, вырвана с мясом, являя глазам серьезную рану.

Одиа лишился, видимо, не только речи, но и способности соображать. Он впустую двигал челюстями, словно пытаясь рассеять дурной вкус во рту.

Мегрэ поднял голову. Он слышал звук мотора и был уверен, что по параллельной улице идет машина Эжена.

Затем шум приблизился, и голубой автомобиль пересек бульвар в какой-нибудь сотне метров от обоих мужчин.

Оставаться на месте им было нельзя. Эжен и марселец все равно не посмеют уехать, покуда не узнают, к чему привели их старания. Они сделали еще один большой круг по своему кварталу, хотя в ночной тишине работающий мотор легко было

обнаружить. На этот раз они промчались вдоль бульвара в нескольких метрах от Одиа. Мегрэ затаил дыхание — он ждал выстрелов.

«Они вернутся, — подумал он. — И уж тогда…»

Он поднял товарища по несчастью, перенес через бульвар и уложил в тени газона, за деревом. Машина действительно проехала снова. Не найдя беглецов, Эжен остановился в ста метрах от них. Они с марсельцем коротко посовещались, и результатом этого явился отказ от дальнейшего преследования.

Одиа стонал, метался, и газовый рожок освещал большое кровавое пятно на том месте, где он рухнул.

Оставалось только ждать. Мегрэ не осмеливался оставить пострадавшего и отправиться на поиски такси.

Не хотел он и звонить в дома по соседству — это вызвало бы скопление зевак. Но прождал он всего минут десять. Мимо проходил полупьяный алжирец, которому комиссар не без труда втолковал, что тот просто обязан пригнать машину.

Стояли холода. У неба был тот же ледяной цвет, что и в день отъезда из Мена. Порой со стороны Северного вокзала доносился свисток товарного состава.

— Больно, — жалобно простонал Одиа и впился в Мегрэ взглядом, словно ожидая от комиссара лекарства от своих страданий.

К счастью, алжирец выполнил поручение, и вскоре появилось такси, но водитель проявил осторожность:

— Вы уверены, что это всего лишь несчастный случай?

Он долго не решался заглушить мотор и помочь Мегрэ.

— Если у вас есть сомнения, везите нас в полицию, — отрезал комиссар.

Водитель внял доводу, и через четверть часа машина затормозила перед гостиницей «Набережная», где остановился Мегрэ.

Одиа, ни на минуту не закрывавший глаз, наблюдал за людьми и предметами с такой неизбывной кротостью, что это не могло не вызвать улыбки. Ошибся на его счет и гостиничный дежурный.

— Похоже, ваш приятель малость не в себе.

— Вполне возможно. Его сбила машина.

Пострадавшего отвели в номер Мегрэ. Комиссар заказал рому и велел принести салфеток. Ни в какой иной помощи он не нуждался. Чтобы не разбудить постояльцев в соседних комнатах,

он разулся, снял пиджак, отцепил воротничок, закатал рукава рубашки.

Полчаса спустя он все еще трудился над распростертым на кровати обнаженным и тощим телом Одиа, на икрах которого до сих пор оставались следы подвязок от носков. Больше всего пострадало колено. Мегрэ продезинфицировал и забинтовал рану. Залепил пластырем несколько незначительных царапин и наконец влил в глотку раненому целый стакан спиртного.

Радиатор отопления был раскален. Занавеси остались не задернуты, и в окне виднелась луна и кусочек неба.

— Ну до чего сволочные у тебя приятели! — неожиданно вздохнул комиссар.

Одиа, указав рукой на свой пиджак, знаком попросил сигарету.

— Меня сразу насторожило, что у тебя самого встревоженный вид. Ты предчувствовал, что они тебя подловят.

Глазами, ставшими уже не такими бегающими, официант из кафе недоверчиво следил за Мегрэ. Раскрыв наконец рот, он первым делом осведомился:

— Вам-то что до всего этого?

— Не дергайся — голова у тебя еще не совсем

в порядке. А что мне до этого — скажу. Какой-то мерзавец, которого ты знаешь, завалил Пепито, боясь, что тот расколется насчет Барнабе. Около двух часов ночи этот мерзавец разыскал тебя в «Табаке улицы Фонтен».

Одиа хмуро уставился на стену.

— Вспомни-ка! Кажо вызвал тебя на улицу. Попросил толкнуть типа, который с минуты на минуту выйдет из «Флории». Из-за твоих показаний последнего и засадили. Допустим теперь, что он из моей родни…

Прильнув щекой к подушке, Одиа пробормотал:

— На меня не рассчитывайте.

Было примерно четыре утра. Мегрэ сел рядом с кроватью, щедро плеснул себе рому и набил трубку.

— Время поговорить у нас есть, — заверил он. — Я посмотрел твои бумаги. У тебя пока что всего четыре судимости, и те несерьезные: карманная кража, мошенничество, участие в налете на виллу…

Собеседник комиссара притворился спящим.

— Но вот беда: еще одна судимость означает, если не ошибаюсь, пожизненную ссылку в колонии. Что скажешь?

— Отстаньте. Я спать хочу.

— А я тебе не мешаю. Но и ты мне не помешаешь говорить. Я знаю, твои приятели еще не засветились. Сейчас они все устраивают так, чтобы завтра, если я назову номер машины, владелец гаража заявил, что их автомобиль всю ночь безвыездно простоял у него.

Распухшие губы Одиа растянулись в блаженной улыбке.

— Но одно я тебе все-таки скажу: я накрою Кажо. Всякий раз, когда я хотел кого-нибудь накрыть, я добивался своего. Так вот, когда Кажо влипнет, влипнешь и ты, а уж тогда не обижайся…

К пяти утра Мегрэ допил вторую порцию рома, а воздух в комнате посинел от трубочного дыма. Одиа столько раз перевернулся в постели с боку на бок, что в конце концов сел, на скулах у него проступили красные пятна, а глаза заблестели.

— Не Кажо ли подстроил то, что произошло нынче ночью? Похоже, верно? Эжен в одиночку до этого бы не додумался. А если так, ты должен понимать, что твой хозяин не прочь от тебя избавиться.

Кто-то из постояльцев, разбуженный нескончаемым монологом Мегрэ, постучал об пол ногой. Комиссар снял жилет — ему было жарко.

— Дайте и мне рому.

В номере был всего один стакан, и оба пили поочередно, не слишком обращая внимания на количество поглощенного спиртного. Мегрэ непрерывно возвращался к своей мысли:

— Я прошу немногого. Признай только, что сразу после смерти Пепито Кажо зашел за тобой в «Табак».

— Я не знал, что Пепито мертв.

— Вот видишь! Значит, ты, как и сегодня, был в «Табаке» с Эженом и, конечно, с глухим коротышкой, содержателем борделя. Кажо заходил в кафе?

— Нет.

— Значит, постучал в окно. У вас должен быть условный сигнал.

— Ничего я не скажу.

В шесть небо посветлело. По набережной пошли трамваи, и буксир огласил реку пронзительной сиреной, словно собирая растерянные им ночью баржи.

Цвет лица у Мегрэ стал почти таким же ярким, как у Одиа, взгляд — таким же оживленным.

— Хочешь, я по-дружески расскажу тебе, что будет теперь, когда ваши знают, что ты был здесь и мы поговорили? При первой же возможности

они опять возьмутся за свое и уж на этот раз тебя кончат. А чем ты рискуешь, заговорив? Тебя ведь нужно только прикрыть, продержав несколько дней в тюрьме. Когда всю банду возьмут, тебя выпустят, и дело с концом.

Одиа внимательно слушал. И словно давая понять, что не отвергает категорически замысел собеседника, процедил как бы себе под нос:

— В таком состоянии, как сейчас, я вправе требовать помещения в тюремную больницу.

— Безусловно. А ты же знаешь, какая санчасть во Френе. Получше любого госпиталя будет.

— Посмотрите, не распухло ли у меня колено.

Мегрэ послушно снял повязку. Колено действительно распухло, и Одиа, трясшийся над своим здоровьем, с тревогой ощупал опухоль.

— Как по-вашему, не отрежут мне ногу?

— Ручаюсь, что через две недели ты будешь здоров. У тебя небольшое воспаление суставной сумки.

— А!

Одиа уставился в потолок и пролежал так несколько минут. В одном из номеров зазвонил будильник. По коридорам зашуршали шаги персонала, приступающего к своим обязанностям, затем с лестничной площадки донеслось нескон-

чаемое шарканье сапожных щеток.

— Ну, решил?

— Не знаю.

— Предпочитаешь пойти под суд вместе с Кажо?

— Мне бы водички.

Одиа нарочно тянул время. Он не улыбался, но ему — это чувствовалось — нравилось, что за ним ухаживают.

Мегрэ помалкивал. Со спущенными подтяжками он расхаживал по номеру, делая все, чего требовал раненый. Горизонт порозовел. Солнечный луч лизнул окно.

— Кто ведет следствие?

— Комиссар Амадье и следователь Гастамбид.

— Хорошие ребята?

— Куда уж лучше.

— Признайтесь, я чудом уцелел. Чем меня зацепило?

— Левым крылом машины.

— Вел Эжен?

— Он самый. Марселец сидел рядом. Кто он такой?

— Молодой парень, всего три месяца, как здесь. Раньше работал в Барселоне, но, похоже, ему нечего там больше делать.

— Слушай, Одиа. Играть и дальше в прятки нет смысла. Я вызываю такси, и мы едем вдвоем на набережную Орфевр. В восемь появится Амадье, и ты вывалишь свой товар.

Мегрэ зевнул. Он вымотался до того, что с трудом выговаривал слова.

— Почему молчишь?

— Ладно, едем.

Через несколько минут Мегрэ умылся, привел себя в порядок и распорядился, чтобы им принесли завтрак.

— Понимаешь, в твоем положении тюрьма — единственное место, где ты можешь быть спокоен.

— Амадье, это такой высокий, всегда бледный, с длинными усами, верно?

— Да.

— Совершенно его не знаю.

Восходящее солнце наводило на мысль о домике у Луары и удочках, ожидающих на дне лодки. Может, это было следствие усталости, но в один прекрасный момент Мегрэ захотелось все бросить, он удивленно воззрился на Одиа, словно забыв, что тот здесь делает, и запустил пятерню себе в волоса.

— А что же я надену? Брюки-то у меня порва-

ны.

Позвали коридорного, и тот согласился пожертвовать старыми штанами. Одиа хромал, постанывал, всей своей тяжестью висел на руке спутника. Через Новый мост они перебрались на такси, и глотнуть свежего утреннего воздуха было уже большим облегчением. Из ворот предварилки, выгрузив ночной улов, выезжал пустой полицейский фургон.

— Сумеешь подняться по лестнице?

— Пожалуй, да. Во всяком случае, носилок не надо.

Они были у цели. У Мегрэ перехватывало горло от нетерпения. Такси остановилось у дома № 36. Прежде чем высадить Одиа из машины, комиссар расплатился с водителем и, подозвав дежурного в форме, попросил его помочь.

Дежурный разговаривал с человеком, который стоял спиной к улице и, заслышав голос комиссара, круто повернулся. Это был Кажо, с серой двухдневной щетиной на щеках, в темном пальто. Одиа заметил его, лишь когда вылез из такси, а Кажо даже не взглянул на него и продолжал разговаривать с дежурным.

Никто не проронил ни слова. Мегрэ поддерживал официанта из кафе, притворявшегося более

пострадавшим, чем на самом деле.

Пройдя через двор, Одиа опустился на первую ступеньку лестницы с видом человека, окончательно выбившегося из сил. И, подняв глаза, ухмыльнулся:

— А ведь я вас обвел, верно? Мне нечего сказать. Ничего я не знаю. Просто не хотелось оставаться у вас в номере. Разве мы с вами знакомы? Почем я знаю, не вы ли сами толкнули меня под машину?

Кулак Мегрэ сжался и стал тверд как камень, но так и остался в кармане пальто.

Глава 7

Первым, около одиннадцати, появился Эжен. Хотя весна еще не наступила, его костюм уже гармонировал с веселой солнечной погодой. На парне была светло-серая тройка из двухцветной нити, такая эластичная, что при каждом движении ткань облегала мускулы владельца. И когда он распахнул застекленную дверь уголовной полиции, вместе с ним в коридор проник легкий запах духов.

На набережной Орфевр он был не в первый раз. С видом завсегдатая посматривал налево и направо, не выпуская изо рта сигарету с золотым ободком. Время доклада уже минуло. Перед кабинетами комиссаров с мрачным видом ожидали люди.

Эжен подошел к служителю и поздоровался, поднеся два пальца к шляпе.

— Я к комиссару Амадье, старина. Мне назначено.

— Присядьте.

Эжен непринужденно сел, скрестил ноги, раскурил новую сигарету и развернул газету на

отчетах о скачках.

Его длинная голубая машина словно распласталась под воротами. Мегрэ, заметивший ее из окна, вышел во двор и осмотрел левое крыло, но не обнаружил ни малейшей царапины.

Несколькими часами раньше он ввалился в кабинет Амадье, как был в шляпе, с настороженными глазами.

— Я привел человека, который знает правду.

— Вам не ко мне, а к судебному следователю, — отмахнулся Амадье, перелистывая донесения.

Тогда Мегрэ постучался в двери начальника полиции, но с первого взгляда понял, что его визит нежелателен.

— Добрый день, господин начальник.

— Добрый день, Мегрэ.

Они действовали друг другу на нервы, и им не требовались долгие разговоры, чтобы это понять.

— Господин начальник, я работал всю ночь и пришел к вам с просьбой допросить трех-четырех человек в вашем присутствии.

— Это дело следователя, — возразил начальник.

— Следователю ничего не вытряхнуть из этих людей, вы же понимаете.

Мегрэ сознавал, что докучает всем и все рады были бы послать его к чертям, но тем не менее упорствовал в своем намерении. Его огромная фигура долго застила свет начальнику, который мало-помалу поддавался настояниям, и наконец в кабинетах зазвенели телефоны.

— Зайдите ко мне на минутку, Амадье.

— Иду, господин начальник.

Началось обсуждение.

— Наш друг Мегрэ утверждает, что…

В девять Амадье нехотя отправился по коридорам Дворца в кабинет г-на Гастамбида. Когда он минут через двадцать вернулся, у него в кармане лежали поручения следователя о допросе Кажо, Одиа, хозяина «Табака улицы Фонтен», Эжена, марсельца и глухого коротышки.

Одиа был уже на месте. Мегрэ заставил его подняться наверх, и он с самого утра сидел в глубине коридора, недовольно наблюдая за мельтешащими полицейскими.

В половине десятого пять инспекторов отбыли на розыски остальных свидетелей, а Мегрэ, засыпая на ходу, расхаживал по «конторе», частью которой ощущал себя еще недавно: то распахнет какую-нибудь из дверей, то пожмет руку бывшему коллеге, то выбьет трубку в опилки

плевательницы.

— Как дела?

— Ничего, — отзывался он.

— Знаете, они просто взбешены! — шепнул ему Люкас.

— Кто они?

— Амадье… Начальник…

И Мегрэ ждал, все больше пропитываясь атмосферой учреждения, когда-то бывшего его родным домом. Эжен, устроившись в красном кресле, не выказывал ни малейшего беспокойства. Заметив Мегрэ, даже не изобразил на лице наигранную улыбку. Это был красивый, жизнерадостный, уверенный в себе парень. Каждая по́ра его дышала здоровьем и беззаботностью, в любом движении чувствовалась почти звериная гибкость.

Вернулся один из инспекторов. Мегрэ заторопился навстречу.

— Ходил в гараж?

— Да. Хозяин утверждает, что машина всю ночь стояла на месте. Сторож подтверждает его показания.

Это было настолько легко предвидеть, что Эжен, несомненно слышавший разговор, даже не дал себе труда изобразить на лице иронию.

Вскоре с глазами, опухшими ото сна, и в дурном настроении, сказывавшемся в выражении лица и жестах, появился содержатель «Табака улицы Фонтен».

— Мне к комиссару Амадье, — буркнул он служителю.

— Присядьте.

Не подавая виду, что узнал Эжена, хозяин «Табака» со шляпой на коленях устроился метрах в трех поодаль.

Комиссар Амадье велел пригласить Мегрэ, и они вновь очутились лицом к лицу в маленьком кабинете с видом на Сену.

— Ваши подопечные явились?

— Не все.

— Не скажете ли поточнее, какие вопросы я, по-вашему, должен им поставить?

В этой краткой, внешне любезной и почтительной фразе не было, на первый взгляд, ничего особенного. И все-таки она выражала пассивное сопротивление: Амадье не хуже собеседника знал, что предугадать заранее, как пойдет допрос, просто немыслимо.

Тем не менее Мегрэ продиктовал известное количество вопросов для каждого свидетеля. Амадье записал их с исполнительностью секре-

таря и в то же время с явным удовлетворением.

— Это все?

— Да, все.

— Не возражаете, если начнем прямо сейчас с субъекта по фамилии Одиа?

Мегрэ знаком дал понять, что это ему безразлично, а комиссар, нажав кнопку звонка, отдал приказание появившемуся инспектору. Его секретарь сел на краю стола, против света, а Мегрэ устроился в самом темном углу.

— Садитесь, Одиа, и расскажите нам, что вы делали прошлой ночью.

— Ничего я не делал.

Хотя солнце било в глаза официанту из кафе, он углядел Мегрэ и нашел способ состроить ему гримасу.

— Где вы были в полночь?

— Не помню. Сходил в кино, потом пропустил стаканчик в каком-то баре на улице Фонтен.

Амадье знаком показал Мегрэ: «Не беспокойтесь. Я учитываю ваши заметки».

И, взгромоздив на нос пенсне, действительно с расстановкой прочел:

— Назовите имена приятелей, встреченных вами в этом баре.

Партия, едва начавшись, была уже проиграна.

Допрос складывался неудачно. Комиссар выглядел школьником, повторяющим урок. Одиа, чувствуя это, с каждой минутой становился самоуверенней.

— Не встретил я никаких приятелей.

— И даже не заметили человека, присутствующего сейчас здесь?

Одиа повернулся к Мегрэ, посмотрел на него и покачал головой.

— Разве что этого господина. Но не уверен. Я не обратил на него внимания.

— Что было потом?

— Потом я вышел, но от кино у меня разболелась голова, и я решил пройтись по Внешним бульварам. Переходил улицу, меня сбила машина, и я, уже раненный, очутился под каким-то деревом. Со мной рядом оказался вот этот господин. Он сказал, что меня задел автомобиль. Я попросил отвезти меня домой, но он не согласился и доставил в номер какой-то гостиницы.

Открылась дверь, вошел начальник полиции и молча прислонился к стене.

— Что вы ему рассказали?

— Да ничего. Все время говорил он сам. Описывал мне людей, которых я не знаю, требовал, чтобы я отправился сюда и подтвердил, что они

мои кореши.

Иногда Амадье большим синим карандашом делал краткие пометки в блокноте, секретарь протоколировал показания целиком.

— Виноват, — вмешался начальник. — Все, что ты тут сочиняешь, очень мило. Но скажи-ка, что ты делал в три часа утра на бульваре Де-ла-Шапель.

— Гулял — у меня ж голова болела.

— Зря темнишь. Когда у человека целых четыре судимости…

— Извините, первые две погашены амнистией. Вы не имеете права попрекать меня ими.

Мегрэ лишь смотрел и слушал. Он курил трубку, запах которой пропитывал кабинет, по мере того как дым поднимался к потолку:

— А это мы через несколько минут будем знать точно.

Одиа вывели в соседнюю комнату. Амадье бросил в телефон:

— Введите Эжена Берниара.

Вошел улыбающийся, самонадеянный Эжен, с одного взгляда определил позицию каждого действующего лица, раздавил окурок о пепельницу.

— Что ты делал вчера вечером? — бесстрастно осведомился Амадье.

— Честное слово, комиссар, рано лег спать — зубы разболелись. Можете проверить у ночного дежурного в гостинице «Альсина».

— В котором часу?

— В полночь.

— И ты не заходил в «Табак на улице Фонтен»?

— А где это?

— Минутку. Знаком ты с неким Одиа?

— Как он хоть выглядит? На Монмартре ведь столько народа.

Каждая минута неподвижности стоила Мегрэ болезненного усилия.

— Введите сюда Одиа, — распорядился по телефону Амадье.

Одиа и Эжен с любопытством уставились друг на друга.

— Встречались?

— В жизни не приходилось, — громыхнул Эжен.

— Счастлив буду познакомиться, — отшутился официант из кафе.

Им лень было даже играть комедию. Глаза их смеялись, опровергая слова.

— Значит, вчера вечером вы не играли вместе в белот в «Табаке улицы Фонтен»?

Одиа вытаращил глаза. Эжен зашелся от хо-

хота.

— Ошибочка, господин комиссар.

Им устроили очную ставку с марсельцем, который только что пришел и подал Эжену руку.

— Знаете друг друга?

— Еще бы! Мы живем бок о бок.

— Где?

— В гостинице «Альсина». У нас соседние номера.

Начальник полиции знаком вызвал Мегрэ в коридор.

Вдвоем они прошагали до последнего кабинета, где Луи, хозяин «Табака», все еще ждал неподалеку от Жермена Кажо.

— Что намерены предпринять?

Начальник полиции тревожно поглядывал на спутника.

— Они вправду пытались вас убрать?

Мегрэ промолчал. Кажо следил за ним тем же спокойным ироническим взглядом, что Одиа или Эжен.

— Если бы я мог допросить их лично, — вздохнул наконец бывший комиссар.

— Вы же знаете, это невозможно. А вот очные ставки будем продолжать, сколько захотите.

— Благодарю, господин начальник.

Мегрэ знал, что это ничего не даст. Все пятеро показывали одно и то же. Они приняли необходимые меры предосторожности, и вопросы, которые унылым голосом задает Амадье, ни за что не заставят их сознаться.

— Не знаю, правы вы или нет, — процедил начальник.

Они проходили мимо Кажо, который воспользовался случаем, чтобы поздороваться с главой полиции.

— Это к вам меня вызвали, господин начальник?

Был полдень. Большинство инспекторов отбыли на задание или отправились завтракать. Длинный коридор почти опустел. У двери начальник пожал Мегрэ руку.

— Что мне вам сказать? Пожелать удачи — вот и все, что я могу.

Он зашел к себе, взял пальто и шляпу, в последний раз окинул взглядом кабинет, где продолжался допрос, и, мрачно посмотрев на Кажо, стал спускаться по лестнице.

Мегрэ был на пределе. Еще никогда он так не задыхался от сознания собственного бессилия. На соседних стульях терпеливо и спокойно сидели Кажо и Луи, которых забавляло хождение комис-

сара взад-вперед.

В кабинете Амадье неторопливо журчали голоса. Вопросы и ответы чередовались без всякой спешки. Комиссар, храня верность обещанию, следовал плану Мегрэ, ничего к нему не прибавляя от себя и не выказывая никакой заинтересованности.

А Филипп в тюрьме! Г-жа Мегрэ нетерпеливо ждет почтальона!

— Славный денек, месье! — неожиданно адресовался Кажо к своему соседу. Луи.

— Очень славный! Ветер восточный, — откликнулся тот. — Вас тоже вызвали?

Все это говорилось для Мегрэ с явным намерением поиздеваться.

— Да. Видимо, от меня ждут каких-то сведений.

— Со мной такая же история. Вы к кому из комиссаров?

— К какому-то Амадье.

На ходу Мегрэ задел Кажо, тот раздвинул губы в оскорбительном смешке, и вдруг у комиссара сработал неудержимый животный рефлекс. Рука его грохнула о щеку Нотариуса.

Это была ошибка! Последствие бессонной ночи, целой цепи унижений!

Ошеломленный выходкой Мегрэ, Кажо не шелохнулся, зато Луи вскочил и вцепился комиссару в руку.

— Вы что, рехнулись?

Учинить драку в коридоре уголовной полиции! Только этого не хватало.

— Что здесь происходит? — раздался окрик Амадье, распахнувшего дверь.

Не понять, что случилось, при виде трех задыхающихся мужчин было просто немыслимо, но комиссар, как ни в чем не бывало, спокойно пригласил:

— Входите, Кажо.

Остальных свидетелей опять препроводили в соседнее помещение.

— Садитесь.

Мегрэ вошел в свой черед и встал у двери.

— Я вызвал вас, потому что ваше присутствие необходимо для опознания некоторых личностей.

Амадье нажал на звонок. Ввели Одиа.

— Знаете этого человека?

И тут Мегрэ вскочил, хлопнув дверью и оглушительно выругавшись. Он чуть не плакал. Его тошнило от этой комедии.

Одиа не знал Кажо. Кажо не знал Одиа. Ни тот,

ни другой не знает Эжена. И так будет до самого конца. Что касается Луи, тот вообще никого и ничего не знает.

Амадье, допрашивая их, добавляет себе очко при каждом новом препирательстве. А! Кое-кто позволяет себе не считаться с его привычками! Кое-кто пытается учить его, Амадье, ремеслу полицейского! Он, конечно, остается до конца вежлив, потому что он воспитанный человек. Но все увидят все сами.

Мегрэ мрачно спустился по лестнице, пересек двор, прошел мимо могучей машины Эжена.

Париж, Сена, сверкающий Новый мост — все было залито солнцем. Когда на небо наползла туча, теплый воздух неожиданно посвежел.

Через четверть часа, через час допросы закончатся.

Эжен сядет за баранку рядом с марсельцем. Кажо подзовет такси. Все обменяются взглядами и отправятся восвояси.

— Экая скотина этот Филипп!

Мегрэ рассуждал сам с собой. Мостовая звенела под его подошвами. Он не знал, куда идет. Неожиданно ему показалось, что женщина, с которой он разминулся, отвернулась, словно для того, чтобы он ее не узнал. Он остановился и заметил

заторопившуюся прочь Фернанду. Через несколько метров нагнал ее и грубо, хоть и не нарочно, схватил за руку.

— Куда это вы?

Явно испуганная, она промолчала.

— Когда вас выпустили?

— Вчера вечером.

Мегрэ понял: доверию, возникшему между ними, пришел конец. Фернанда боится его. Думает только об одном: как бы поскорее уйти своей дорогой.

— Вас тоже вызывали? — спросил он, бросив взгляд на здание уголовной полиции.

Сегодня утром на Фернанде был голубой английский костюм, придававший ей вид мелкой буржуазии. Мегрэ особенно нервничал потому, что у него не было никаких оснований задерживать ее.

— Что вы собираетесь делать?

Он перехватил взгляд Фернанды, остановившийся на голубой машине Эжена.

Он все понял. И почувствовал ревнивую обиду.

— Вам известно, что ночью меня пытались убить?

— Кто?

— Эжен.

Она чуть было что-то не ляпнула, но вовремя прикусила язык.

— Что вы собирались мне ответить?

— Ничего.

Дежурный поглядывал на них. Наверху, за высоким окном, Амадье по-прежнему фиксировал стенографированные показания пяти свидетелей. Автомобиль, подтянутый и щеголеватый, как его владелец, ждал, и Фернанда с непроницаемым лицом выжидала момента, когда сможет уйти.

— Вы считаете, что вас посадил я? — настаивал Мегрэ.

Она не ответила и отвернулась.

— Кто вам сказал, что Эжен здесь? — бесцельно упорствовал Мегрэ.

Она же влюблена! Влюблена в Эжена, с которым переспала в угоду ему, Мегрэ!

— Тем хуже! — проворчал наконец комиссар. — Ступай, старушка.

Фернанда заторопилась к машине и встала около дверцы.

На тротуаре остался только Мегрэ, набивавший трубку. Она не разгоралась: он слишком плотно умял табак.

Глава 8

Пересекая вестибюль гостиницы, Мегрэ прямо-таки почернел: с плетеного кресла вскочила и бросилась ему навстречу женщина, облобызавшая его в обе щеки и завладевшая его рукой, которую больше не выпустила из своей.

— Это ужасно, — простонала она. — Я приехала нынче утром и столько набегалась, что не знаю уж, на каком я свете.

Мегрэ смотрел на свояченицу, свалившуюся на него из Эльзаса, и ему потребовалось время, чтобы привыкнуть к ней, настолько резко облик ее отличался от действующих лиц последних дней и сегодняшнего утра, в крутой атмосфере которых барахтался комиссар.

Мать Филиппа походила на г-жу Мегрэ, но в большей мере, нежели сестра, сохранила провинциальную свежесть. Была она не толстая, но пухленькая, личико розовое, волосы тщательно уложены, и все в ней излучало чистоту — черно-белый туалет, глаза, улыбка.

Свояченица привезла с собой тамошнюю атмосферу, и Мегрэ казалось, что он слышит запах

дома, где стенные шкафы набиты вареньями, всяческими лакомствами и кремами, которые она так любит готовить.

— Как ты считаешь, он найдет себе место после того, что случилось?

Комиссар взял багаж свояченицы, еще более провинциальный, чем она сама.

— Переночуешь в гостинице?

— Если это не слишком дорого…

Мегрэ отвел ее в столовую, где ноги его не бывало, когда он останавливался здесь один: вид у помещения был чересчур суровый, и говорить там полагалось вполголоса.

— Как ты разыскала мой адрес?

— Сходила во Дворец правосудия и повидалась со следователем. Он не знал, что ты тоже занимаешься этим делом.

Мегрэ ничего не сказал, но гримасу скорчил. Он представил себе бесконечное нытье свояченицы: «Вы же понимаете, господин следователь. Дядя моего сына, дивизионный комиссар Мегрэ…»

— Ну, и что же он? — потерял терпение Мегрэ.

— Он дал мне адрес адвоката на улице Гренель. Я съездила и туда.

— И всюду таскала с собой багаж?

— Нет, оставила в камере хранения.

Это ужасно! Она выложила свою историю всем, с кем общалась.

— Поверишь ли? Когда фотографию поместили в газетах, Эмиль не осмелился пойти к себе на службу.

Эмиль — это ее муж, такой же близорукий, как Филипп.

— У нас ведь не как в Париже: тюрьма — это тюрьма. Люди говорят: нет дыма без огня… А у Филиппа постель-то хоть с бельем?

Они ели сардины с кружочками свеклы, запивая все это легким красным вином из графина, и время от времени Мегрэ делал над собой усилие, чтобы стряхнуть с себя наваждение этого мирного завтрака.

— Ты знаешь Эмиля. Он очень настроен против тебя. Считает, что это по твоей вине Филипп поступил в полицию, вместо того чтобы поискать хорошее место в банке. Я ответила ему: чему быть, того не миновать. Кстати, у твоей жены все хорошо? Не слишком она много возится со своей живностью?

Завтрак отнял час с лишним, потому что после него потребовалось выпить кофе, а матери Филиппа захотелось точно узнать, как устроена тюрьма и как в ней обращаются с заключенны-

ми. Они вдвоем сидели в гостиной, когда явился портье и объявил, что с Мегрэ хочет говорить какой-то господин.

— Пригласите его.

Комиссар недоумевал, кто бы это мог быть, и совсем уж изумился, увидев комиссара Амадье, смущенно поздоровавшегося с г-жой Лауэр.

— Это матушка Филиппа, — представил ее Мегрэ. — Не подняться ли нам ко мне в номер?

Они молча вскарабкались по лестнице. Оказавшись в комнате, Амадье откашлялся, снял шляпу и отложил зонтик, с которым никогда не расставался.

— Я рассчитывал отыскать вас после утреннего допроса, — начал он. — Но вы ушли, никому ничего не сказав.

Мегрэ молча наблюдал за ним: он понимал, что Амадье пришел заключить мир, но у него не хватало героизма облегчить коллеге первые шаги.

— Знаете, нам попались крутые ребята. Я убедился в этом, когда свел их всех вместе.

Амадье сел и — так ему было удобней — закинул ногу на ногу.

— Послушайте, Мегрэ, я пришел сказать вам, что начинаю склоняться к вашей точке зрения. Как видите, я откровенен с вами и зла на вас не

держу.

Голос, однако, звучал у него не совсем натурально, и Мегрэ почувствовал, что коллега говорит с чужих слов и пришел к нему не по своей охоте. После утренних допросов начальник полиции и комиссар, несомненно, посовещались, и начальник склонился к точке зрения Мегрэ.

— Вот я и спрашиваю вас: что будем делать? — торжественно отчеканил Амадье.

— Вот уж не знаю.

— Вам не понадобятся мои люди? — И тут же, став неожиданно словоохотлив, Амадье добавил: — Изложу вам свое мнение: я ведь многое передумал, пока допрашивал наших хватов. Известно ли вам, что в момент убийства Пепито на него уже было выдано постановление об аресте? Мы узнали, что во «Флории» хранится довольно много наркотиков. С целью не дать вывезти их я и отрядил туда инспектора, приказав ему находиться там до момента ареста, который будет произведен на рассвете. Так вот, товар исчез.

Мегрэ, казалось, не слушает собеседника.

— Из этого я заключаю, что когда мы наложим руку на товар, то одновременно возьмем убийцу. Мне очень хочется испросить у следователя постановление на обыск у нашего Кажо.

— Не стоит труда, — вздохнул Мегрэ. — Человек, сумевший предусмотреть все детали утренних очных ставок, не станет хранить у себя столь компрометирующий груз. Снежка нет ни у Кажо, ни у Эжена, ни у любого другого из наших приятелей. Кстати, что показал Луи насчет своих клиентов?

— Клянется, что в жизни не видел Эжена и уж подавно никогда не играл с ним в карты. Припоминает, что Одиа не раз заходил к нему купить сигарет, но в разговоры с ним не вступал. Что касается Кажо, то фамилию слышал, как все на Монмартре, но в лицо его не знает.

— Друг с другом они, разумеется, не сталкивались?

— Ни разу. Они даже весело переглядывались, как если бы допрос был своего рода развлечением. Шеф был просто взбешен.

Мегрэ не сумел скрыть легкой улыбки: Амадье тем самым признал, что догадка правильна, — поворот событий произошел благодаря начальнику полиции.

— Конечно, пустить топтуна за Кажо всегда можно, — продолжал Амадье, болезненно реагировавший на молчание собеседника. — Но Кажо запросто оторвется от любого инспектора, не говоря о том, что у него серьезные связи и он

способен нажаловаться на нас.

Мегрэ вытащил часы и пристально уставился на них.

— У вас встреча?

— Да, вскоре. Если не возражаете, спустимся вместе.

Проходя мимо портье, Мегрэ осведомился насчет свояченицы.

— Эта дама только что уехала. Справилась у меня, на каком автобусе добраться до улицы Фонтен.

Очень на нее похоже! Ей обязательно нужно своими глазами увидеть место, где ее сына заподозрили в убийстве Пепито. И ведь она зайдет в кабаре! Вывалит свою историю официантам!

— Завернем по пути выпить по рюмочке? — предложил Мегрэ.

Они уселись в уголке пивной «У Нового моста» и заказали старый арманьяк.

— Согласитесь, — отважился наконец Амадье, подергивая кончики усов, — что в данном случае ваш метод неприменим. Мы с начальником только что говорили об этом.

Ясно: начальник решительно заинтересовался делом!

— Что вы называете моим методом?

— Вы это знаете лучше, чем я. Обычно вы вживаетесь в шкуру людей, больше интересуетесь их психологией и тем, что с ними произошло лет двадцать назад, чем конкретными уликами. В данном же случае перед нами типы, о которых мы знаем почти все. Они даже не пытаются притворяться. С глазу на глаз Кажо станет отрицать разве что факт убийства.

— А он и не отрицал.

— Как же вы поступите?

— А вы?

— Я, разумеется, начну с того, что раскину вокруг них сеть. Уже с сегодняшнего вечера за каждым будет установлена слежка. Им же придется куда-то ходить, с кем-то общаться. Тех, кто выйдет на контакт с ними, допросят, в свою очередь, и…

— И через полгода Филипп все еще будет в тюрьме.

— Его адвокат намерен ходатайствовать об изменении меры пресечения. А поскольку Лауэру вменяется всего лишь убийство по неосторожности, добиться этого будет нетрудно.

Усталости Мегрэ как не бывало!

— Не повторить ли? — предложил Амадье, указывая на рюмки.

— С удовольствием.

Бедняга Амадье! До чего ж ему муторно входить в гостиную «Альсины». Сейчас-то он успел справиться с собой и, выказывая уверенность в себе, которой у него раньше не было, рассуждает о деле с известной непринужденностью.

— Кстати, я все думаю, — добавил он, отхлебнув арманьяка, — сам ли Кажо совершил убийство. Я много размышлял над вашей версией. Почему ему было не поручить убийство Пепито кому-нибудь другому? Сам он мог спрятаться на улице…

— В таком случае Одиа не вернулся бы, чтобы толкнуть моего племянника и поднять тревогу. Он скисает так же быстро, как заводится. Это грязный мелкий негодяй без размаха.

— А Эжен?

Мегрэ пожал плечами: он не то чтобы считал Эжена невиновным, но и обвинять его не решался. Все это было как-то расплывчато. Отчасти — из-за Фернанды.

К тому же Мегрэ почти не поддерживал разговор, а карандашом рисовал на мраморе столика какие-то непонятные черточки. Было жарко. Арманьяк вызывал сладостное ощущение благодушия и как бы постепенно снимал груз навалившейся на комиссара усталости.

Люкас, появившийся в компании какого-то молодого коллеги, чуть не подскочил, увидев обоих комиссаров за одним столиком, и Мегрэ через весь зал выразительно глянул на него.

— Вам не в «контору»? — полюбопытствовал Амадье. — Я показал бы вам протоколы допросов.

— Зачем?

— Что вы собираетесь делать?

Любопытство не давало Амадье покоя. Какая тайна прячется за набыченным Мегрэ? Сердечности у него тоже поубавилось.

— Нельзя, чтобы наши усилия взаимно уничтожались. Начальник того же мнения. Это он посоветовал мне договориться с вами.

— Так мы же и договорились.

— О чем?

— О том, что это Кажо убил Пепито и, видимо, он же двумя неделями раньше прикончил Барнабе.

— Этого не достаточно, чтобы мы оба согласились его арестовать.

— Ясное дело.

— И что же тогда?

— А ничего. Вернее, у меня к вам одна просьба. Думаю, что вы без труда получите у следователя Гастамбида постановление о задержании Кажо?

— А дальше?

— А дальше я хочу, чтобы на набережной Орфевр постоянно дежурил инспектор с этим постановлением в кармане. Как только я ему позвоню, пусть приедет ко мне, и все.

— Куда приедет?

— Туда, где я буду. Еще лучше, если он запасется не одним, а несколькими постановлениями. Никогда ведь не угадаешь.

Хмурое лицо Амадье вытянулось.

— Отлично, — сухо заключил он. — Я переговорю с начальником.

Он позвал официанта, уплатил свою долю. Затем долго застегивал и расстегивал пальто в надежде, что Мегрэ наконец заговорит.

— Ну, ладно. Желаю успеха.

— Благодарю, вы очень любезны.

— Когда, по-вашему, все произойдет?

— Может быть, с минуты на минуту. Может быть, завтра утром. Кстати, я предпочел бы второй вариант.

Когда спутник его уже двинулся к выходу, Мегрэ спохватился:

— Спасибо, что заглянули ко мне.

— Это же так естественно.

Оставшись один, Мегрэ расплатился за себя

и на минуту задержался у столика, где сидели Люкас и его молодой коллега.

— Что-нибудь новенькое, шеф?

— В общем, да. Где мне найти тебя завтра, около восьми утра?

— Я буду на Набережной. Если предпочитаете, могу прийти сюда.

— До завтра, здесь!

Выйдя из пивной, Мегрэ остановил такси и велел везти себя на улицу Фонтен. Спускалась ночь. Загорались витрины. Проезжая мимо «Табака», комиссар попросил притормозить.

В маленьком баре вялая девица сидела за кассой, хозяин пребывал за стойкой, официант вытирал столики.

Однако ни Одиа, ни Эжена, ни марсельца не было.

«Вот уж побесятся они нынче вечером из-за того, что не смогут сесть за белот!»

Еще через несколько секунд такси остановилось перед «Флорией». Велев шоферу ждать, Мегрэ распахнул полуоткрытую дверь заведения.

Был час уборки. В зале горела всего одна лампа, бросавшая тусклый свет на панели и красно-зеленую роспись стен. Столики из нелакированного дерева еще не были прикрыты скатертями, с

музыкальных инструментов на эстраде — не сняты чехлы.

Ансамбль в целом производил бедное, убогое впечатление. Дверь кабинета в глубине зала была распахнута, и Мегрэ, заметив там женскую фигуру, проследовал мимо подметавшего пол официанта и внезапно вышел из полутьмы.

— Ты? — изумилась свояченица.

Она покраснела, растерялась.

— Мне хотелось посмотреть, где… как…

У стены, покуривая сигарету, стоял молодой человек.

Это был г-н Анри, новый владелец «Флории» или, верней сказать, новое подставное лицо на службе у Кажо.

— Этот господин был так любезен… — залепетала г-жа Лауэр.

— Был бы счастлив сделать больше, — вмешался молодой человек. — Мадам сказала, что она мать полицейского, который убил… я хочу сказать, который обвиняется в убийстве Пепито. Лично я ничего не знаю. Я вступил во владение домом на следующий день.

— Еще раз признательна, сударь. Я вижу, вы понимаете, что такое материнское сердце.

Она ждала, что Мегрэ закатит ей сцену. Когда

он усадил ее в дожидавшееся такси, она заговорила только для того, чтобы не молчать.

— Зачем ты взял машину? У вас же такие удобные автобусы. Можешь курить свою трубку — я привыкла.

Мегрэ дал адрес гостиницы и по дороге предложил каким-то особенным голосом:

— Вот что мы сделаем. Впереди долгий вечер. Завтра мы должны быть в форме: нам понадобятся спокойные нервы и свежая голова. Если не возражаешь, пойдем в театр.

— В театр, когда Филипп в тюрьме?

— Ба! Это ж последняя его ночь в ней.

— Ты до чего-то докопался?

— Еще нет. В общем, положись на меня. В гостиной уныло. Делать нам нечего.

— А я-то хотела воспользоваться случаем и съездить навести порядок в комнате у Филиппа!

— Он взбесится. Молодые люди не любят, когда матери роются в их вещах.

— Ты считаешь, что у Филиппа роман?

Вся провинциальность г-жи Лауэр нашла выход в этих словах, и Мегрэ расцеловал родственницу в щеку.

— Да нет, старая ты дурочка! К сожалению, нет у Филиппа романа. Он — вылитый портрет своего

папочки.

— Я не убеждена, что Эмиль до брака не…

Ну, разве это не омовение в чистом проточном ключе? Приехав в гостиницу, Мегрэ заказал места в «Пале Ройяль», затем, в ожидании обеда, написал письмо жене.

Об убийстве Пепито и аресте племянника упомянуть он забыл.

— Сегодня мы с тобой кутнем! — объявил он свояченице. — Если будешь умницей, покажу тебе «Флорию» в самый разгар вечера.

— Но у меня же нет подходящего туалета!

Мегрэ сдержал слово. После изысканного обеда на Бульварах — в гостинице комиссар есть не пожелал — он повел свояченицу в театр и с удовольствием понаблюдал, как она невольно хохочет над водевильными кви-про-кво.[10]

— И все-таки я стыжусь того, что ты заставляешь меня делать, — вздохнула она в антракте. — Знал бы Филипп, чем занимается сейчас его мать!

— Ты забыла Эмиля. Если, конечно, он не приударяет в это время за вашей прислугой.

— Но ей же, бедняжке, давно за пятьдесят.

Труднее оказалось уговорить ее заглянуть во

---

[10] Примечания: 10

Qui pro quo (*лат.*) — один за другого (о недоразумении); здесь: «водевильные каламбуры».

«Флорию»; освещенный неоном вход в кабаре и тот уже внушал ей робость. Мегрэ усадил ее за столик у самого бара, задев на ходу Фернанду, расположившуюся у стойки в обществе Эжена и марсельца.

Как и следовало ожидать, появление добропорядочной провинциалки в сопровождении бывшего комиссара вызвало улыбки.

Мегрэ был в восторге. Казалось, именно этого он и добивался. Как бравый подгулявший провинциал, заказал шампанского.

— Я же опьянею! — зажеманилась г-жа Лауэр.

— Тем лучше.

— Знаешь, я ведь впервые в таком месте.

От нее в полном смысле слова пахло пирогом. Вот уж чудо нравственного и физического здоровья!

— Кто эта женщина, которая не сводит с тебя глаз?

— Фернанда, моя приятельница.

— На месте сестры я забеспокоилась бы: у этой особы влюбленный вид.

Это было верно и неверно. Фернанда в самом деле посматривала на Мегрэ так, словно сожалела об утраченной доверительности. В то же время она буквально висела на Эжене, подчеркнуто

вызывающе цепляясь за него.

— С ней очень красивый парень.

— Беда только, что завтра этот красивый парень сядет в тюрьму.

— Что он натворил?

— Он один из бандитов, по вине которых арестован Филипп.

— Он?

Г-жа Лауэр долго не могла прийти в себя. Еще хуже получилось, когда Кажо, как он делал это каждый вечер, высунул голову из-за занавеса, любопытствуя, хорошо ли идут дела.

— Видишь вон того господина, похожего на адвоката?

— Седого?

— Да. Так вот, внимание. Постарайся не вскрикнуть. Это убийца.

Глаза у Мегрэ смеялись, как будто Кажо и остальные были уже в его власти. Это выглядело так странно, что Фернанда удивленно обернулась и неожиданно нахмурилась с озабоченным и встревоженным видом.

Чуть позже она направилась в туалет и по пути метнула взгляд на Мегрэ, который в свою очередь встал и нагнал ее.

— Есть что-нибудь новое? — почти злобно спро-

сила она.

— А у тебя?

— Ничего. Да вы и сами видите. Мы скоро уйдем.

Она наблюдала за Мегрэ. Помолчав, спросила:

— Его возьмут?

— Не сразу.

Она нетерпеливо стукнула об пол высоким каблуком.

— Большая любовь?

Но Фернанда уже пошла прочь, бросив на ходу:

— Еще не знаю.

Г-жа Лауэр, к стыду своему, легла спать в третьем часу утра; Мегрэ, едва добравшись до постели, уснул глубоким сном и храпел так, как не храпел уже несколько дней.

Глава 9

Без десяти восемь Мегрэ остановился у гостиничной регистратуры в момент, когда только что появившийся хозяин вместе с ночным дежурным просматривал списки постояльцев. Дорогу загораживало ведро с грязной водой, у стены стояла швабра, и Мегрэ, с самым серьезным видом завладев ею, принялся изучать ее рукоятку.

— Позволите воспользоваться? — спросил он хозяина, который, запинаясь, выдавил:

— Пожалуйста.

И, тут же спохватившись, тревожно осведомился:

— В вашем номере недостаточно чисто?

Мегрэ с ничем не омраченной радостью раскурил первую трубку.

— По-моему, вполне достаточно, — невозмутимо возразил он. — Меня интересует не швабра. Мне нужен всего лишь кусочек рукоятки.

Подоспевшая уборщица, вытирая руки о голубой фартук, решила, вероятно, что постоялец рехнулся.

— У вас не найдется чем отпилить? — продол-

жал Мегрэ, адресуясь к ночному дежурному.

— Конечно, найдется. Жозеф, — распорядился хозяин, — сходите за пилкой для господина Мегрэ.

Итак, решительный день начался веселым дуракаванием. Утро опять было солнечное. Мимо прошла горничная с первым завтраком на подносе. Коридор мыли, не жалея воды. Почтальон рылся в своей кожаной сумке.

Мегрэ, держа в руке метлу, дожидался пилы.

— Не правда ли, в гостиной есть телефон? — полюбопытствовал он у хозяина.

— Да, господин Мегрэ. На левом столе. Я вас немедленно подключу.

— Не стоит.

— Вы не будете звонить?

— Спасибо, необходимость в этом отпала.

Мегрэ ушел со шваброй в гостиную, а уборщица, воспользовавшись этим, заявила:

— Сами убедитесь: не моя вина, что я ничего не делаю. И пусть на меня не орут, если я не успею закончить холл.

Дежурный вернулся с заржавленной пилой, которую отыскал в подвале. В свой черед Мегрэ принес швабру, вооружился пилой и принялся отделять конец ручки.

Швабру он прижал к письменному столу. На свежевымытый пол посыпались опилки. Другим концом деревяшка елозила по регистрационному журналу, и хозяин опасливо наблюдал за нею.

— Вот и все! Благодарю вас, — объявил наконец комиссар, подняв с пола отпиленный кружочек древесины.

Одновременно с этим он возвратил уборщице швабру, ставшую короче на несколько миллиметров.

— Это вам и требовалось? — с серьезным видом полюбопытствовал хозяин гостиницы.

— Совершенно верно.

В пивной «У Нового моста», во втором зале которой Мегрэ отыскал Люкаса, уборщицы с ведрами свирепствовали не менее усердно, чем в «Альсине».

— Знаете, шеф, отдел работал всю ночь. Расставшись с вами, Амадье вбил себе в голову, что обязан обогнать вас, и задействовал всех своих людей. Судите сами — я, например, знаю, что вы были в «Пале Ройяль» с дамой.

— А затем отправился во «Флорию». Бедный Амадье! А что остальные?

— Эжен тоже был во «Флории». Вы, несомненно, его видели. Без четверти три он ушел оттуда с

профессионалкой.

— Да, знаю — с Фернандой. Держу пари, что он переспал с ней на улице Бланш.

— Вы правы. Он даже оставил свою машину на всю ночь у тротуара. Она и сейчас там.

Мегрэ поморщился, хотя он-то уж никак не был влюблен. Однако прошлым утром в залитой солнцем квартирке Фернанды был именно он. Она, полуодетая, пила кофе с молоком, и между ними существовала атмосфера доверительной интимности.

Это была не ревность — просто комиссар не любил мужчин типа Эжена. Ему казалось, что в данную минуту молодой человек еще лежит, а Фернанда хлопочет, подавая ему кофе в постель. И он наверняка снисходительно улыбается.

— Он таки заставит ее плясать под свою дудку! — вздохнул комиссар. — Продолжай, Люкас.

— Его марсельский приятель до возвращения в «Альсину» обошел несколько ночных кабаков. Сейчас он, несомненно, дрыхнет, потому что никогда не встает раньше одиннадцати-двенадцати.

— А глухой коротышка?

— Его фамилия Колен. Живет с женой на улице Коленкура, потому как состоит в законном браке.

Когда он возвращается поздно, супруга закатывает ему сцены. В прошлом она была помощницей хозяйки «заведения».

— Чем он занят сейчас?

— Ходит по лавкам. Съестное покупает всегда он: на шее толстый шарф, на ногах туфли из Шаранты.[11]

— Одиа?

— Этот надрался до свинства, обойдя кучу бистро. К себе в гостиницу на улице Лепик вернулся около часа, и ночной дежурный вынужден был помочь ему подняться по лестнице.

— Кажо, надеюсь, у себя?

Выходя из пивной, Мегрэ словно увидел всех подельников разом, каждого в своей точке Монмартра, вокруг Сакре-Кер [12], белеющей над прибоем Парижа.

Добрых десять минут он вполголоса инструктировал Люкаса и заключил наконец, пожимая ему руку:

— Все понял? Уверен, что тебе не потребуется больше, чем полчаса?

— Оружие при вас, шеф?

---

[11] Примечания: 11
Департамент, расположенный в нижнем течении Луары.

[12] Примечания: 12
Церковь Сердца Господня на Монмартре, высшая точка Парижа.

Мегрэ похлопал себя по брючному карману и подозвал проезжавшее мимо такси:

— Улица Батиньоль.

Дверь привратницкой была приоткрыта, сквозь щель виднелась фигура газовщика.

— Вам кого? — услышал Мегрэ пронзительный женский голос.

— Господина Кажо, пожалуйста.

— Антресоль, налево.

Мегрэ остановился на растрепанном коврике, перевел дух и потянул за длиннющий басон, на что квартира отозвалась по-детски игрушечным звоночком.

Зашаркали шаги. Звякнула дверная цепочка. В замке повернулся ключ, и дверь приотворилась, но всего сантиметров на десять, не больше.

Отпер сам Кажо, непричесанный, брови взлохмачены еще больше обычного. Он удивился. Глядя Мегрэ в глаза, мрачно процедил:

— Что нужно?

— Для начала войти.

— Вы пришли официально, с постановлением по всей форме?

— Нет.

Кажо попробовал захлопнуть дверь, но из этого ничего не получилось — Мегрэ успел сунуть в

щель ногу.

— Не находите, что нам лучше бы потолковать? — бросил он.

Кажо понял, что дверь ему все равно не закрыть, и взгляд его потяжелел.

— Я ведь и полицию вызвать могу.

— Разумеется. Только я думаю, это бесполезно — нам разумней поговорить по-хорошему.

За спиной Нотариуса прислуга в черном прервала работу и прислушалась. Ввиду уборки все двери в квартире были распахнуты. Справа, видимо, располагалась очень светлая комната окнами на улицу.

— Входите.

Кажо запер входную дверь на ключ, завел цепочку на место и сориентировал посетителя:

— Направо, ко мне в кабинет.

Это была типичная квартирка мелкого буржуа с Монмартра: кухня еле в метр шириной с окном во двор, бамбуковая вешалка в прихожей, темная столовая, занавеси тоже темные, выцветшие обои в цветочек.

То, что Кажо именовал своим кабинетом, оказалось помещением, которое по замыслу архитектора должно было играть роль гостиной и — единственное в квартире — имело два окна, в

которые проникал свет.

Навощенный паркет. Посредине вытертый ковер и три стула с обивкой, ткань которой приобрела тот же неопределенный цвет, что и ковер.

Стены, оклеенные гранатовыми обоями, загромождены бесчисленными картинами и фотографиями в позолоченных рамочках. По углам столики и этажерки с дешевыми безделушками.

У окна возвышалось бюро красного дерева с вытертой сафьяновой обивкой; за него и уселся Кажо, отодвинув вправо какие-то бумаги.

— Марта, мой шоколад подадите сюда.

Кажо больше не смотрел на Мегрэ, предпочитая выжидать, пока противник первым перейдет в наступление.

Что касается комиссара, усевшегося на слишком хрупкий для него стул, он расстегнул пальто и, поглядывая вокруг, неторопливо набивал большим пальцем трубку.

Одно из окон — несомненно, из-за уборки — было распахнуто, и, когда прислуга подала шоколад, Мегрэ спросил хозяина:

— Не будете возражать, если закроем окно? Позавчера я подцепил насморк, и мне не хотелось бы простужаться еще сильнее.

— Закройте окно, Марта.

Марта отнюдь не испытывала симпатии к посетителю. Это было заметно по тому, как она ходила взад и вперед мимо Мегрэ, всякий раз находя способ задеть его ноги и не извиниться.

По комнате плыл запах шоколада. Кажо держал чашку обеими руками, словно согревая ее. По улице катились фургоны, и верх их, ровно как серебристые крыши автобусов, маячил почти что на уровне окна.

Прислуга вышла, но дверь не закрыла и продолжала хлопотать в прихожей.

— Не предлагаю вам шоколад, — сказал Кажо. — Думаю, что у вас уже был первый завтрак.

— Да, был. Зато если у вас найдется стаканчик белого…

Сейчас значение имело все — даже малейшее слово, и Кажо нахмурился, спрашивая себя, с какой стати гость просит дать ему выпить.

Мегрэ понял и улыбнулся:

— Я привык работать на улице. Зимой холодно, летом жарко. В обоих случаях хочется выпить, верно?

— Марта, принесите белого вина и стакан.

— Обычного?

— Именно. Предпочитаю обычное, — вставил Мегрэ.

Его котелок лежал на бюро, рядом с телефоном. Кажо, не сводя глаз с собеседника, маленькими глоточками пил шоколад.

Утром он выглядел еще более бледным, чем вечером; кожа у него была по-прежнему бесцветная, а глаза тускло-серые, как волосы и брови, голова костистая, лицо длинное. Кажо относился к тем личностям, которых невозможно представить себе иначе как людьми неопределенного возраста. Трудно было даже вообразить, что он был когда-то ребенком, школьником или юным влюбленным. Такой, как он, не мог держать женщину в объятиях, шептать ей нежные слова.

Зато его волосатые, довольно ухоженные руки всегда были приучены орудовать пером. Ящики бюро были наверняка набиты всяческими бумагами, отчетами, счетами, квитанциями, заметками.

— Встаете вы сравнительно рано, — заметил Мегрэ, взглянув на часы.

— Я сплю не больше трех часов за ночь.

Безусловно, не врет. Неизвестно — почему, но это чувствовалось.

— Значит, читаете?

— Да, читаю или работаю.

Оба давали друг другу минуту передышки. Не

сговариваясь, решили, что серьезное объяснение начнется после того, как Марта подаст белое.

Книжного шкафа Мегрэ не обнаружил, но на столике рядом с бюро стояли книги в солидных переплетах — кодекс, тома Даллоза [13], книги по юриспруденции.

— Оставьте нас, Марта, — распорядился Кажо, когда на столе появилось вино.

Прислуга направилась на кухню. Нотариус хотел было окликнуть ее и велеть закрыть дверь, но передумал.

— Наливайте себе сами.

Совершенно непринужденным движением Кажо открыл один из ящиков бюро, вытащил оттуда пистолет и положил так, чтобы без труда дотянуться до него. Это даже не выглядело вызовом: Нотариус словно совершал общепринятый обряд. Затем он отодвинул чашку и оперся о подлокотники кресла.

— Ваше предложение? — произнес он тоном делового человека, который принимает клиента.

— Почему вы думаете, что я намерен сделать вам предложение?

— Иначе бы вы не пришли. В полиции вы боль-

---

[13] Примечания: 13

Даллоз, Виктор (1795—1869) — французский правовед, автор юридического справочника.

ше не служите. Следовательно, арестовать меня не собираетесь. Вы даже не стали меня допрашивать, поскольку не приведены к присяге и все, что бы вы ни рассказывали после, не имеет никакой доказательной ценности.

Мегрэ с одобрительной улыбкой раскурил трубку, которой дал перед этим погаснуть.

— С другой стороны, ваш племянник увяз по самые уши, и у вас нет никакой возможности вытащить его.

Спички Мегрэ положил на поле котелка и уже в третий раз за несколько секунд брался за коробок: он чересчур плотно умял табак, и тот сразу же гас.

— Итак, — заключил Кажо, — я вам нужен, вы мне — нет. А теперь слушаю вас.

Голос у него был тусклый и невыразительный, как весь его облик. С таким лицом и голосом он мог бы председательствовать в суде призраков.

— Ладно, — согласился Мегрэ, поднявшись и заходив по комнате. — Что вы потребуете за то, что вытащите моего племянника из переплета?

— Я? Разве я могу это сделать?

— Полно скромничать, — добродушно улыбнулся Мегрэ. — Сделанное всегда можно переделать. Сколько?

Кажо задумался: он переваривал предложение.

— Меня это не интересует, — отозвался он наконец.

— Почему?

— Потому что у меня нет причин, побуждающих заниматься этим молодым человеком. Он сам посадил себя в тюрьму. Я его не знаю.

Время от времени Мегрэ останавливался перед каким-нибудь портретом или у окна, устремляя взгляд на улицу, где вокруг тележек зеленщиков толпились домохозяйки.

— Скажем так, — кротко начал он, вновь раскуривая трубку. — Если мой племянник выходит из тюрьмы, у меня нет больше ни малейшего основания заниматься этим делом, как вы сами заметили, к полиции я теперь не принадлежу. Откровенно признаюсь вам, что с радостью уехал бы первым же поездом на Орлеан и через два часа уже сидел бы с удочкой в своей лодке.

— Почему вы не пьете?

Мегрэ налил себе полный стакан белого и одним духом опустошил его.

— Что касается средств, которыми вы располагаете, — продолжал он, усаживаясь и кладя спички на край шляпы, — то у вас их предостаточно. На второй очной ставке Одиа может оказаться

не столь категоричен в своих показаниях и не опознать Филиппа с прежней уверенностью. Такое бывает сплошь и рядом.

Кажо размышлял, и по его отсутствующему взгляду Мегрэ догадывался, что Нотариус вовсе или почти не слушает собеседника. Нет, сейчас он поглощен другой мыслью: «За каким чертом он приперся ко мне?»

С этого момента цель Мегрэ свелась к одному — любой ценой помешать Кажо устремить взгляд на котелок и телефон. А также убедить его, будто он, Мегрэ, думает именно то, что говорит. На самом деле комиссар произносил пустые слова. Чтобы подстегнуть свое красноречие, он налил и выпил новый стакан.

— Нравится?

— Вино-то? Да, недурное… Я знаю, что вы мне ответите. Как только Филипп выйдет из-под огня, следствие возобновится, потому что правосудию не на кого станет валить вину.

Кажо чуточку приподнял голову, интересуясь, что последует дальше. В тот же миг Мегрэ внезапно побагровел: в голове у него мелькнула новая мысль.

Что произойдет, если сейчас Эжен, марселец, хозяин «Табака» или еще кто-нибудь позвонят

Кажо на квартиру? Это возможно, даже вероятно. Вчера всю банду вытащили на набережную Орфевр, и ее члены, несомненно, испытывают известную тревогу. И разве Кажо не привык отдавать приказы и выслушивать доклады по телефону?

Мегрэ положил котелок на бюро так, чтобы Нотариус не мог со своего места видеть аппарат. А без конца хватая коробок спичек, комиссар ухитрился подсунуть под трубку отпиленный им утром деревянный кусочек.

Иными словами, связь отключена. На станции дежурит Люкас с двумя стенографами, которые и будут свидетелями.

— Я понимаю: вам нужен виноватый, — вздохнул комиссар, вперившись в ковер.

Что будет, если, к примеру, Эжен попробует позвонить и, не добившись ответа, встревожится и приедет сюда? Все придется начинать сначала. Вернее, невозможно станет и это, потому что Кажо будет отныне начеку.

— Это не сложно, — продолжал он, стараясь, чтобы голос у него не дрогнул. — Достаточно подыскать парня примерно того же сложения, что мой племянник. Таких на Монмартре хватает. И среди них обязательно найдется один, которого

вы не прочь бы спровадить на каторгу. Еще два-три подобных свидетеля, и дело сделано.

Мегрэ стало так жарко, что он снял пальто и повесил его на спинку стула.

— Вы позволите?

— Но ведь можно открыть окна, — предложил Кажо.

Ну нет! Из-за уличного шума стенографы на другом конце провода рисковали бы не расслышать и половину произносимого.

— Благодарю вас, но я вспотел из-за своего гриппа. От свежего воздуха мне станет только хуже. Итак, я говорил…

Мегрэ допил стакан, набил новую трубку.

— Дым-то, по крайней мере, вас не беспокоит?

За стенкой по-прежнему расхаживала прислуга, но иногда она затихала, и тогда Мегрэ настораживался.

— Вам достаточно назвать цифру. Чего стоит подобная операция?

— Каторги! — без обиняков отрезал Кажо.

Мегрэ улыбнулся, хотя уже засомневался в безошибочности избранной им системы.

— Ну что ж, если боитесь, предложите другую комбинацию.

— Мне не нужны комбинации. Полиция аре-

стовала человека, которого обвиняет в убийстве Пепито. Это ее дело. Время от времени я действительно оказываю небольшие услуги улице де Соссэ и набережной Орфевр. В данном случае мне ничего не известно. Очень сожалею, но…

Кажо явно высказывал намерение положить конец разговору. Нужно немедленно изобрести другой ход.

— Рассказать вам, что вскоре произойдет? — с расстановкой проговорил Мегрэ.

Он помолчал и медленно, чуть ли не по складам отчеканил:

— Не минет и двух дней, как вы будете вынуждены убить своего маленького приятеля Одиа.

Удар, без сомнения, попал в цель. Кажо старался не смотреть на собеседника, который продолжал, боясь утратить приобретенное преимущество:

— Вы это знаете не хуже меня. Одиа — мальчишка. Кроме того, подозреваю, что он наркоман, а значит, внушаем. С той минуты, как он почувствовал, что я сел ему на хвост, он делает промах за промахом, теряет голову и прошлой ночью у меня в номере уже раскололся. Вы точно угадали это, почему и оказались на пороге уголовной полиции, чтобы не дать ему повторить то, что он сказал мне. Но то, что удалось один раз, не обя-

зательно должно удаваться всегда. Этой ночью Одиа напился в разных бистро. Сегодня вечером напьется опять. У него без конца будет кто-то висеть на пятках…

Уставясь на стену гранатового цвета, Кажо сидел совершенно неподвижно.

— Продолжайте, — бросил он естественным тем не менее голосом.

— Нужно ли вам это? Как вы уберете человека, день и ночь охраняемого полицией? Если вы не убьете Одиа, он заговорит. Это же ясно, как дважды два четыре! А если вы его убьете, вас возьмут, потому что совершить убийство в таких условиях очень не просто.

Солнечный луч, процеженный сквозь грязное окно, упал на бюро. Через несколько минут он доползет до телефона. Мегрэ учащенно дымил трубкой.

— Что вы на это ответите?

Не повышая голоса, Кажо распорядился:

— Марта, закройте дверь.

Прислуга с ворчанием подчинилась. Тогда Кажо понизил голос до такой степени, что Мегрэ засомневался, расслышат ли Нотариуса по телефону.

— А что, если Одиа уже мертв?

На лице Кажо не дрогнул ни один мускул. Мегрэ вспомнил свой разговор с Люкасом в пивной «У Нового моста». Разве бригадир не заверил его, что Одиа в сопровождении инспектора явился к себе в гостиницу на улице Лепик около часа ночи? Значит, инспектор должен был наблюдать за гостиницей до самого утра.

Положив руку на вытертый сафьян бюро в нескольких сантиметрах от пистолета, Кажо продолжал:

— Как видите, вашим предложениям грош цена. Я считал, что вы гораздо сильнее.

И добавил, не глядя на похолодевшего Мегрэ:

— Если вам нужны более подробные сведения, позвоните в комиссариат восемнадцатого округа.

При эти словах он мог бы протянуть руку к трубке, снять ее и передать гостю. Он не сделал этого, и комиссар, переведя дух, поспешил вставить:

— Верю. Но я тоже еще не выложил все до конца.

Мегрэ не знал, что скажет. Но ему было необходимо продержаться как можно дольше, любой ценой вынудив Кажо произнести определенные слова, которых этот тип избегал, как чумы.

До сих пор он ни разу не опроверг факт пре-

ступления.

Но и не произнес ни одной фразы, ни одного слова, которые можно было бы истолковать как безусловное признание.

Мегрэ представил себе, с каким нетерпением бедняга Люкас прижимает трубку к уху, переходя от надежды к отчаянию и командуя стенографам:

— Этого не фиксировать.

А если позвонит Эжен или еще кто-нибудь?

— Вы убеждены, что наш разговор следует продолжать? — настаивал Кажо. — Мне время одеваться.

— Прошу у вас еще минут пять.

Мегрэ налил себе вина и встал с возбужденным видом человека, намеревающегося произнести речь.

Глава 10

Кажо не курил, не двигался, у него не было даже никакого тика, который мог бы дать выход нервному напряжению.

Мегрэ не сразу отдал себе отчет в том, что его сковывает именно такая полная неподвижность собеседника, но понял это, увидев, как Нотариус протянул руку к стоявшей на бюро вазочке и взял одну горошинку.

Это было не бог весть что, и все-таки глаза комиссара блеснули, как если бы он обнаружил разлом в броне. Кажо не курил, не пил, не любил женщин, но ел сладости и сейчас сосал конфетку, перекатывая ее от одной щеки к другой.

— Мы с вами оба профессионалы, — проговорил наконец комиссар. — И как профессионал, я скажу вам, почему вы непременно попадетесь.

Конфетка заходила быстрее.

— Возьмем первое убийство. Я говорю о первом убийстве в целом ряду, потому что, вполне возможно, у вас в активе их несколько. Разве адвокат, у которого вы служили старшим клерком, не умер от отравления?

— Это не доказано, — простодушно возразил Кажо.

Ему хотелось понять, куда гнет Мегрэ, а мозг комиссара, в свой черед, работал на больших оборотах.

— Ладно. Три недели назад вы решили убрать Барнабе. Насколько я понял, он был связным между Парижем и Марселем, то есть между вами и левантинцами, доставляющими наркотики морем. Предполагаю, что Барнабе решил отхватить себе слишком жирный кусок. Ему предлагают сесть в машину. На улице ночь. Неожиданно Барнабе получает нож в спину, и через несколько секунд тело его грохается о тротуар. Улавливаете, в чем ваша ошибка?

Мегрэ взялся за спички, проверяя, на месте ли деревянный кружок. Кроме того, он сделал это, чтобы спрятать улыбку, которую никак не мог подавить: Кажо, словно прилежный ученик, и в самом деле соображал, где же он допустил промах.

— Сейчас я вам это скажу, — обещал Мегрэ, прервав ход своих рассуждений. — А пока что продолжаю. Не знаю уж, какая случайность выводит полицию на след Пепито. Поскольку товар во «Флории», а «Флория» под наблюдением, положе-

ние становится опасным. Пепито чувствует, что его возьмут. Он угрожает выдать вас, если вы его не спасете. Вы приканчиваете его из пистолета, когда он думает, что находится один в пустом кабаре. Здесь все чисто, ошибки нет.

Кажо поднял голову, бомбошка остановилась на середине языка.

— До сих пор ошибки нет. Ну, улавливаете?.. Но вот вы обнаруживаете, что в заведении прячется полицейский. Вы выходите. Вы не в силах справиться с искушением подловить фараона. На первый взгляд, ваш ход просто гениален. И, однако, это ошибка, вторая ошибка.

Теперь перевес был на стороне Мегрэ. Ему нужно было только продолжать, ничего не форсируя. Кажо слушал, размышлял, и тревога мало-помалу подтачивала его спокойствие.

— Третья смерть — убийство Одиа, потому как этот тоже заговорит. Но за ним наблюдает полиция. Следовательно, нож и пистолет исключаются. Но я ручаюсь, Одиа мучила по ночам жажда. На этот раз — в особенности: он пьян. Больше он не проснется: вода в графине отравлена. Третья ошибка!

Мегрэ играл ва-банк, но он был уверен в своей догадке: обстоятельства просто не могли сло-

житься иначе.

— Так в чем же именно третья ошибка? — выдавил наконец Кажо, протягивая руку к вазочке с конфетками.

Комиссар представил себе гостиницу на улице Лепик, населенную преимущественно музыкантами, платными танцорами, девицами легкого поведения.

— Ошибка в том, что вам требовался человек, который отравил бы воду в графине.

Кажо не понял. Он сосал горошинку, и в воздухе стоял легкий сладковатый запах ванили.

— Ликвидируя Барнабе, вы взяли с собой, самое меньшее, двух человек: Пепито и того, кто вел машину, — наверняка Эжена. И вот уже Пепито угрожает вас предать. Улавливаете?.. Как следствие — необходимость устранить Пепито. Выстрел делаете вы сами. И тут же сами все усложняете: находите Одиа и велите ему толкнуть инспектора. Что автоматически вытекает из всего этого? Да то, что в игру вступают Эжен, хозяин «Табака» Луи, маленький игрок в белот, которого зовут Колен, и, наконец, Одиа. Первым сдает Одиа. И вот вы оказываетесь вынуждены покончить и с ним! Но вчера днем вас самого на улице Лепик не было. Вам пришлось прибегнуть

к одному из постояльцев гостиницы, которому вы позвонили. А это еще один сообщник! Еще один человек, способный заговорить! Итак, чего вы добились?

Кажо все еще размышлял. Солнце добралось до никелированной телефонной трубки. Утро кончилось. Толпа вокруг тележек с овощами стала плотной, и, несмотря на закрытые окна, уличный шум проникал в квартиру.

— Разумеется, вы знаток своего дела. Но зачем тогда всякий раз вешать себе на шею лишних сообщников, чьи языки могут развязаться? Убрать Барнабе вы могли запросто и где угодно — он вас не опасался. В деле с Пепито вам Одиа был не нужен. И вчера, когда за вами не наблюдали, вы могли сами поехать на улицу Лепик. В таких гостиницах не бывает портье, вход и выход в них совершенно свободный.

Иногда на лестнице слышались шаги, и Мегрэ непроизвольно напрягался, чтобы не потерять спокойствия и как ни в чем ни бывало продолжать свой анализ.

— На данный момент выдать вас могут, по меньшей мере, пятеро. Так вот, чтобы пять человек долго хранили подобную тайну, — вещь неслыханная.

— Барнабе ударил ножом, не я, — процедил Кажо, потускнев еще больше обычного.

Мегрэ, перехватив мяч на лету, уверенно отпарировал:

— Знаю.

Партнер, прищурившись, удивленно взглянул на него.

— Нож характерен скорее для итальянца, вроде Пепито.

Требовалось еще одно, совсем ничтожное усилие, но в этот момент прислуга распахнула дверь, и Мегрэ показалось, что выстроенное им здание вот-вот рухнет.

— Я за покупками, — объявила Марта. — Что взять из овощей?

— Что хотите.

— А деньги?

Кажо достал портмоне с металлической застежкой, поношенное, но прочное, настоящий кошелек скупца. Потом вытащил оттуда две монеты по десять франков. Винная бутылка на столе была пуста, и он протянул ее прислуге.

— Возьмите и купите еще. Карточка на вино у вас.

Мыслями, однако, он был далеко. Уходя, Марта заперла дверь на лестницу, но комнату она не

закрыла, отчего сразу стал явственно слышен шум воды, кипящей на кухне на газовой плитке.

До сих пор Мегрэ пристально следил за каждым жестом собеседника, но сейчас вдруг забыл и о телефонном аппарате, и о стенографах на другом конце провода. В какой-то неуловимый миг в голове комиссара словно что-то щелкнуло. Он много говорил, не очень задумываясь над тем, что говорит, но эти импровизации подвели его к истине на расстояние в несколько миллиметров.

А сверх того ему помогли конфетки из вазочки, портмоне и даже слово «овощи».

— Держу пари, что вы сидите на режиме.

— Уже двадцать лет.

Кажо больше не заводил речь о том, что выставит посетителя за дверь. Казалось, он даже нуждается в нем.

Видя, что стакан Мегрэ пуст, предупредил:

— Сейчас Марта принесет вина. Я не держу дома больше бутылки.

— Знаю, — сказал Мегрэ.

— Откуда?

Оттуда, черт возьми, что это гармонирует со всем остальным! Оттуда, что теперь Кажо перестал быть для Мегрэ только противником и стал просто человеком. И этого человека комиссар с

каждой секундой постигал все глубже, чувствовал, как он живет, дышит, мыслит, испытывает страх и надежду, слышал раздражающий стук конфетки о его зубы.

И по-другому рассматривал интерьер — бюро, мебель, картины, слащавые, как варенье.

— Знаете, о чем я думаю, Кажо?

Эта фраза была уже не просто сотрясением воздуха — она явилась итогом длинной цепи мыслей.

— Я спрашиваю себя, действительно ли Пепито убит вами. Сейчас я почти уверен в противном.

Тон комиссара тоже изменился. Наклоняясь вперед, чтобы получше видеть собеседника, Мегрэ все больше загорался.

— Сейчас я объясню вам, почему так думаю. Будь вы способны пристрелить Пепито собственноручно, вам не потребовались бы исполнители для убийства Барнабе и Одиа. Истина в том, что вы трусливы.

Губы у Кажо пересохли. Тем не менее он попробовал иронически улыбнуться.

— Попробуйте-ка сказать, что хоть раз в жизни зарезали цыпленка или кролика, что вы в состоянии смотреть, как течет кровь!

Мегрэ больше не сомневался. Он все понял. И

шел напролом.

— Внесем ясность. Вы боитесь убивать своими руками, но вам ничего не стоит обречь человека на смерть. Напротив! Вы боитесь убивать, боитесь умереть, но с тем большим остервенением приказываете убивать. Разве не так, Кажо?

В голосе Мегрэ не было ненависти, но не было и жалости. Комиссар изучал Кажо с тем страстным интересом, который он всегда вкладывал в изучение человека. А сущность Нотариуса раскрывалась перед ним со страшной отчетливостью. Все в его жизни, вплоть до службы в юности клерком у адвоката, было предопределено этой сущностью.

Кажо всегда был человеком замкнутым в самом себе.

В одиночестве, закрыв глаза, он, без сомнения, измышлял всяческие великолепные комбинации — финансовые, криминальные, эротические.

Его никогда не видели с женщинами? Еще бы! Разве они были способны претворить в явь болезненные плоды его воображения?

Кажо уходил в себя, в свою берлогу, пропитанную его мыслями, мечтами, запахами.

И глядя через окно на залитую солнцем улицу, где перед лотками теснилась толпа и куда из

автобусов потоками выплескивалась жизнь, он испытывал не стремление слиться с людской массой, а лишь желание использовать ее материал для своих хитроумных комбинаций.

— Вы трус, Кажо! — гремел Мегрэ. — Трус, как все, кто живет только головой. Вы торгуете женщинами, торгуете кокаином и бог знает еще чем: я ведь считаю вас способным на что угодно. И в то же время вы становитесь осведомителем полиции.

Серые глаза Нотариуса не отрывались от комиссара, который уже не мог остановиться.

— Вы убили Барнабе руками Пепито. И я скажу вам, с чьей помощью вы убили Пепито. К вашей банде принадлежит молодой красивый парень, у которого есть все необходимое — женщины, деньги, успех, развязность и полное отсутствие совести. Надеюсь, вы не посмеете утверждать, что в вечер смерти Пепито вас не было в «Табаке улицы Фонтен». Там ведь присутствовали хозяин бара, содержатель борделя, которого зовут Колен и который еще трусливей вас, а также Одиа, марселец и, наконец, Эжен. Эжена-то вы и послали во «Флорию». А когда, сделав свое, он вернулся и сообщил, что в заведении кто-то есть, вы пустили в ход Одиа.

— И что дальше? — уронил Кажо. — Чем вам все это поможет?

Он оперся обеими руками о подлокотники кресла, словно собираясь встать. Голову он слегка наклонил вперед, как будто бросая вызов.

— Чем мне это поможет? Да тем, что позволит справиться с вами, позволит именно потому, что вы трус и окружили себя слишком многими сообщниками.

— Я вам ручаюсь, что меня вы не накроете, — безрадостно улыбнулся Кажо. Зрачки его сузились. Он медленно добавил: — В полиции никогда не было умных людей. Вот вы только что говорили об отравлениях. Коль скоро вы сами служили в «конторе», вы, разумеется, не затруднитесь мне сказать, сколько отравлений раскрывается за год в Париже.

Мегрэ не успел ответить.

— Ни одного! Слышите, ни одного! Но вы же не настолько наивны, чтобы предположить, что на четыре миллиона жителей не нашлось хоть нескольких, которые скончались бы от чрезмерной дозы мышьяка или стрихнина.

Кажо прорвало. Мегрэ уже давно ожидал этого. Слишком долгое усилие предполагало разрядку, а разрядка неизбежно должна была выразиться

в словах.

— Даже сегодня я мог бы вас убрать. Даже думал об этом: мне ведь достаточно было отравить ваше вино. Заметьте, бутылки и той уже нет дома. Остается лишь вымыть стакан. Вы уходите и где-нибудь умираете…

У Мегрэ шевельнулось подозрение, но всего лишь на долю секунды.

— Вы правы. Я не убивал Барнабе. Не убивал Пепито. Не убивал и дурака Одиа.

Держа бонбоньерку в руке, Кажо рассуждал неторопливо и логично, хотя, если присмотреться к нему, выглядел смешным из-за слишком короткого халата и взлохмаченных волос, окружавших его каким-то странным ореолом. Если бы не телефон, комиссар распахнул бы окно, лишь бы вырваться из гнетущей атмосферы затхлости.

— Все, что я говорю здесь, не имеет значения: вы не приведены к присяге, а свидетелей нет.

Словно засомневавшись, Кажо выглянул в коридор, на мгновение приоткрыл дверь в спальню.

— Видите ли, вы не поняли одного: сообщники не предадут меня, поскольку они виноваты не меньше, чем я. Эжен убил. Луи дал пистолет и ключ от «Флории». И знаете, что может произой-

ти, если Эжен попробует меня перехитрить? Да то, что однажды вечером за партией в бел от этому полуглухому ублюдку-заике, или, как вы выражаетесь, коротышке Колену, будет поручено кое-что подсыпать ему в стакан. И ручаюсь вам, это куда проще, чем зарезать цыпленка.

Мегрэ направился к бюро, взял котелок и спички.

Колени у него слегка подрагивали. Кончено! Он достиг цели. Оставалось только уйти. У инспектора, который дежурит на улице, в кармане постановление о задержании. На набережной Орфевр ждут новостей и наверняка строят всяческие предположения.

У Кажо комиссар пробыл целых два часа. Эжен, в шелковой пижаме, наедине с Фернандой, ест сейчас, наверное, запоздалый первый завтрак. Интересно, где теперь достойная мамаша Филиппа?

Вдруг на лестнице послышались шаги. В дверь неистово забарабанили. Кажо посмотрел Мегрэ в глаза, потом уставился на свой пистолет, по-прежнему лежавший на бюро, взял его и пошел открывать.

Комиссар сунул руку в револьверный карман и застыл посреди комнаты.

— Что происходит? — донесся из прихожей голос Эжена.

Они с Кажо были уже в дверях кабинета. Позади послышались еще чьи-то шаги. Это была Фернанда, с изумлением воззрившаяся на Мегрэ.

— Что… — повторил Эжен.

У подъезда дома, пронзительно взвизгнув тормозами, остановилось такси.

Эжен ринулся к окну.

— Я же говорил!.. — прорычал он.

Агенты, наблюдавшие за квартирой Фернанды и пустившиеся вслед за парочкой, выскочили на тротуар.

Кажо не двигался. Держа пистолет в руке, он размышлял.

— Зачем ты приехал?

Он обращался к Эжену, но тот уже раскрыл рот:

— Я четыре раза звонил и…

Мегрэ медленно отступил и прижался спиной к стене.

При слове «звонил» Кажо взглянул на телефон. В ту же секунду грохнул выстрел, в комнате запахло порохом, и по полу поползло синеватое облачко.

Пуля Мегрэ задела кисть Кажо, выбив у него

пистолет.

— Ни с места! — скомандовал комиссар, не опуская оружия.

Кажо окаменел. Во рту у него еще оставалась конфетка, правая щека была оттопырена, и он не решался шелохнуться.

Вверх по лестнице бежали люди.

— Открой, Фернанда, — распорядился Мегрэ.

Не зная, повиноваться ей или нет, она взглянула на Эжена, но ее любовник упорно смотрел себе под ноги.

Тогда она покорно пересекла прихожую, сняла цепочку, повернула ключ в замке.

Из раны Кажо капля за каплей текла кровь, с легким шумом падая на ковер, где расплывалось коричневое пятно.

Вдруг — Мегрэ не успел даже пошевелиться — Эжен метнулся к окну, высадил стекло и прыгнул в пустоту.

Улицу огласили крики, Эжен грохнулся на крышу остановившегося такси, скатился наземь и ринулся в направлении улицы Дам.

В тот же момент в дверях выросли два инспектора.

— Что здесь происходит? — обратились они к Мегрэ.

— Ничего. Арестуйте Кажо, на которого у вас выписано постановление. Коллег внизу оставили?

— Нет.

Фернанда, ничего не понимая, остолбенело взирала на распахнутое окно.

— Значит, он долго пробудет в бегах.

С этими словами Мегрэ подобрал деревянный кусочек и сунул его в карман. Он видел: с Кажо что-то творится, хотя, впрочем, ничего серьезного. Нотариус действительно обмяк, рухнул на ковер и застыл. Можно было не сомневаться: он потерял сознание, услышав, как каплет его собственная кровь.

— Подождите, пока он придет в себя. Если будет нужно, вызовите врача. Телефон работает.

Мегрэ вытолкал Фернанду на площадку и знаком велел ей спускаться первой. Толпа перед домом росла, сквозь нее с трудом проталкивался постовой полицейский.

Комиссару удалось проскользнуть с Фернандой сквозь толчею, и они оказались у колбасной на углу улицы.

— Большая любовь? — полюбопытствовал он.

Только сейчас Мегрэ заметил, что на женщине меховое манто. Он пощупал его.

— Он?

— Да, нынче утром.

— Тебе известно, что это он завалил Пепито?

— А!

Фернанда даже глазом не моргнула. Мегрэ улыбнулся.

— Сам сказал?

Она ограничилась тем, что опустила веки.

— Когда?

— Тоже утром.

И неожиданно посерьезнев, добавила с уверенностью влюбленной:

— Вам его не взять.

Фернанда оказалась права. Месяцем позже она уехала к Эжену в Стамбул, где он открыл ночной ресторан на главной улице Перы. [14]

На каторге Кажо сумел устроиться бухгалтером.

> *«Как ты просила,* — писала сестре г-жа Лауэр, — *высылаю тебе багажом шесть черенков сливы. Думаю, что они отлично привьются и у вас на Луаре. Но все-таки напомни мужу, что он, по-моему, недостаточно прорежает фруктовые деревья.*

---

[14] Примечания: 14

Район Стамбула, населенный преимущественно европейцами.

После возвращения домой Филипп чувствует себя лучше. Он славный мальчик, только большой домосед.

Страсть его по вечерам — кроссворды. Однако в последние дни я часто вижу, как он бродит возле дома Шефферов (тех, что с газового завода), и надеюсь, это завершится свадьбой.

А еще скажи мужу, что вчера у нас давали пьесу, которую мы с ним видели в „Пале Ройяль“, но она понравилась мне меньше, чем в Париже».

Мегрэ вернулся в резиновых сапогах и с тремя щуками в руке.

— Надеюсь, их мы есть не будем? — заметила его жена.

— Конечно нет.

Муж произнес это таким странным тоном, что г-жа Мегрэ подняла голову и посмотрела на него. Нет, ничего. Он уже вошел в сарай, поставил на место удочки и снимал сапоги.

— Нельзя же проглотить все, что убиваешь.

Фраза сама собой сложилась у него в голове одновременно с нелепым видением: бледный растерянный Кажо перед трупами Пепито и Одиа. Мегрэ даже не улыбнулся.

— Что сегодня на первое? — крикнул он, присев на какой-то ящик.

— Суп с томатами.

— Годится.

И сапоги один за другим шлепнулись об утоптанную землю, сопровождаемые вздохом облегчения.